

ГЛАВА V.

ӨИВЫ: ПАМЯТНИКЪ ОЗИМАНДІЯ

Давно уже я гляжу въ синюю даль! мысли мои летять быстрѣе попутнаго вѣтра, который мчитъ насъ по огромному руслу Нила, — къ Өивамъ, — къ этому первенцу городовъ міра, великолѣпнѣйшему подъ солнцемъ¹! Вотъ уже мнѣ указываютъ на разостланную шатромъ громаду горы Ливійскаго хребта; за нею, говорятъ мнѣ, западная половина Өивъ. Ниль, который тутъ расширяется почти на сто саженой, отражалъ нѣкогда въ струяхъ своихъ цѣлый лѣсъ колоннъ и обелисковъ!

Едва мы пролетѣли мимо веселаго островка *ель-Аразатъ*, какъ вдругъ встало передо мною изъ-за пальмъ восточнаго берега исполинское зданіе, которое я не могъ себѣ объяснить, потому что высокія тропическія пальмы казались передъ нимъ тростникомъ; и вотъ, за нимъ, два или три обелиска разрѣзали лазурный горизонтъ неба, а тамъ, — цѣлый рядъ колоннъ... Это восточная часть Өивъ, *Карнакъ* и *Луксоръ*. На право, у подошвы сблизившихся къ берегу знойныхъ и высокихъ горъ, нестройныя и взрытыя груды развалинъ; за ними, изъ-за деревьевъ, виднѣлись другія развалины, разбросанныя и стоящія,— туда неслась наша дагабія, и у этого запустѣлаго бѣрега, близъ какой-то мазанки, осѣненной пальмами, мы спустили паруса насупротивъ волшебнаго Карнака. Это былъ десятый день плаванія отъ Каира, какъ опредѣляетъ Геродотъ².

Я передъ Өивами!... Кто-то сказалъ, что разрушеніе Өивъ древнѣе, чѣмъ основаніе наидревнѣйшихъ городовъ міра. Въ самомъ дѣлѣ, все, что мы знаемъ вѣрнаго объ этой единственной столицѣ древняго міра, объ этомъ центрѣ всѣхъ его сношеній торговыхъ и умственныхъ, объ этой колыбели образованія первобытныхъ народовъ, начинается только съ эпохи ея разрушенія варварскими полчищами Камбиза, то есть 525 лѣтъ до Р. Х. Өивы были уже давно главою городовъ міра при Гомерѣ, который самъ принадлежитъ вѣкамъ баснословнымъ: тогда уже, стовратые Өивы выводили изъ каждыхъ вратъ своихъ по двѣсти воиновъ съ конями и колесницами и ни гдѣ не было такого накопленія сокровищъ, какъ въ ея чертогахъ³. Геродотъ, посѣтившій Египетъ во владычество Персовъ, видѣлъ уже Өивы ниспровергнутыми! Діодоръ бродилъ, какъ и мы, по ихъ развалинамъ. При Страбонѣ, они уже были маловажнымъ мѣстечкомъ.

»Вѣтхія Өивы простерты въ прахъ и сто вратъ ихъ разметаны⁴!« восклицалъ Ювеналь въ блестящую эпоху Рима.

Какой же былъ этотъ народъ, нагромоздившій столько памятниковъ и исчезнувшій съ лица земли, оставивъ намъ только однѣ догадки о немъ, по его дѣламъ обреченнымъ вѣчности! Мы полагаемъ, слѣдуя Діодору, что построеніе Өивъ должно отнести за 2,600 лѣтъ до Р. Х. И такъ, взглянемъ, что намъ оставили отъ этого исполина почти четыре съ половиною тысячи лѣтъ, въ продолженіе которыхъ, наполнивъ своею славою міръ, онъ оставилъ на вѣчное поученіе будущимъ родамъ имя, которое уже престало быть именемъ, — народъ, который уже не есть народъ, — письменна, которыхъ никто не понимаетъ, — памятники дивныя и неподражаемыя, надъ которыми издѣвается нынѣшнее потомство!

Хотя я намѣревался только на возвратномъ пути, обозрѣть всѣ остатки древняго Египта, но завидя Өивы, я измѣнилъ всѣ свои предположенія. Я поспѣшно оставилъ свою дагабію, и добывъ двухъ лошадей, для себя и для моего драгомана, въ сопровожденіи двухъ бедуиновъ, которые были вооружены копьями, направился, куда меня повели.

Первый предметъ, который я увидѣлъ, проѣхавъ мимо нѣсколькихъ букетовъ пальмъ и акацій, былъ великолѣпный портикъ строгаго зодчества, украшенный вросшими въ землю десятью колоннами, съ капителями изъ лотосовыхъ листьевъ; онъ окруженъ грудями разрушенныхъ Арабскихъ хижинъ, слѣпленныхъ изъ земли и называемыхъ *Гурна*. Не

¹ Diod. Sic. I. 2. § 4.

² II § 9. Онъ считаетъ отъ Геліополиса, который не многимъ дальше Каира

³ IIias. IX. v. 381–383.

⁴ ...Vetus Thebe centum jacet obruta portis! Sat. XV. v. 6.

спрашивая провожатыхъ, я предузналъ, что это зданіе не принадлежитъ еще существеннымъ зданіямъ Оивъ, и мы проѣхали молча, мимо прекрасныхъ развалинъ.

Едва мы ихъ оставили за собою, какъ вдругъ открылось обширное поле, простирающееся до отдаленнаго хребта Ливійскихъ горъ; на этомъ заглохшемъ полѣ, взрытомъ развалинами, сидѣли, въ грозномъ одиночествѣ, на мраморныхъ престолахъ, два гиганта, одинъ подлѣ другаго. Выше всѣхъ пальмъ, выше всѣхъ развалинъ, они господствовали какъ цари надъ необозримою картиною опустошенія. Баснословный Мемнонь, сынъ зари — тотъ Луциферъ Египтянь, диво древняго міра, былъ одинъ изъ тѣхъ колоссовъ, къ которому направлялся путникъ изъ далекихъ странъ Сѣвера, еще пустынныхъ въ то время, какъ этотъ гигантъ смотрѣлъ уже на восходящее солнце и произносилъ звуки, удивленной толпѣ путешественниковъ и поклонниковъ, стекавшихся къ нему со всѣхъ концевъ земли.

Нѣсколько въ сторону отъ этихъ волшебныхъ, стражей пустыни, вставали громады храма; лучи солнца вырывались широкими полосами изъ проломовъ разрушенныхъ стѣнъ. Далѣе, на холмѣ, другія развалины, въ страшномъ безпорядкѣ, рисовались на краю горизонта. Мы направились къ ближайшимъ. Страбонъ называетъ это зданіе *Мемноніумъ*, (прибавляя, что Греки называли Мемнона *Исмандіемъ*), а Діодоръ, памятникомъ *Озимандія*, Египетскаго Геркулеса. Шамполіонъ прочелъ, какъ онъ говоритъ, въ іероглифахъ Египетское названіе этого храма: *Рамессеіонъ* т. е. *зданіе Рамзеса великаго* или Сезостриса, который есть Геркулесъ или Озимандій Египтянь.

Часть входа, со стѣною *Циклопическаго* построения, перистиль и три залы съ колоннадами, *болѣе* или менѣе разрушенными, и все это въ размѣрѣ огромномъ, одѣтое покровомъ іероглифовъ, среди разбросанныхъ грудъ и разбитыхъ статуй, — стоитъ передъ вами. *Каріатиды*, поддерживающія перистиль и изображающія жрецовъ съ руками сложенными на крестѣ, вселяютъ то глубокое благоговѣніе, которое они сами такъ живо выражаютъ. Возлѣ поверженъ, раздвоенный, съ разметанными повсюду членами, — подобно идолу Дагону, — величайшій колоссъ въ мірѣ. Трудно сообразить весь объемъ его, и должно отступить, чтобы распознать это изящное гранитное чудовище. Имя Сезостриса, потрясавшаго своими побѣдами древній міръ, начертано на его раменахъ. Этотъ колоссъ есть тотъ самый, на которомъ была надпись: »Я есмь Озимандій, Царь Царей; кто желаетъ быть такъ великъ, какъ я, пусть посмотритъ, гдѣ я покоюсь, и превзойдетъ созданное мною⁵.« Судьба этого гордаго колосса, возвѣщавшаго народамъ не принадлежащее челоуку имя *Царя Царей*, и разбитаго въ прахъ, напомнила мнѣ пораженнаго Ангеломъ Ирода, который, будучи названъ богомъ, не воздалъ хвалы Богу⁶. Хотя конечное разрушеніе Оивъ принадлежитъ нахлынувшимъ на Египетъ Персамъ, а въ новѣйшія времена презрѣннымъ ордамъ Магомета, которыя тщательно искажали лица статуй; но усилія слабыхъ рукъ новаго поколѣнія и даже варваровъ Камбиза остались бы тщетными противу такой громады, если бы ужасное землетрясеніе, за 27 лѣтъ до Р. Х., не ниспровергло, вмѣстѣ съ многими великими памятниками Оивъ — и этого исполина.

По сдѣланнымъ измѣреніямъ на его обломкахъ, оказалось: отъ одного плеча до другаго три сажени; большой палецъ ноги имѣетъ $3\frac{3}{4}$ фута. Голова Фараона сдѣлалась уже, отъ времени, опять простымъ гранитнымъ отрубомъ. Пьедесталь, на которомъ стоялъ колоссъ, еще существуетъ, и имѣетъ болѣе $2\frac{1}{2}$ сажени въ вышину.

Кажется нельзя сомнѣваться, что это великолѣпное зданіе есть тотъ самый памятникъ Озимандія, который описанъ Діодоромъ. Я выпишу здѣсь текстъ этого историка, означая *курсивомъ* предметы, которые еще существуютъ болѣе или менѣе.

»Отъ первыхъ гробницъ, гдѣ, какъ сказываютъ, погребались, такъ называемыя, наложницы Юпитера (Аммона), памятникъ царя Озимандія находился въ десяти стадіяхъ. При входѣ было, изъ разноцвѣтнаго камня, преддверіе (пилонъ), длиною въ два плетра. Засимъ слѣдовалъ квадратный перистиль, обложенный мраморомъ; каждая сторона его

⁵ Diod. Sic. L. I. P. I. § 47.

⁶ Дѣян. Апост. XII. 21–23.

была въ четыре плетра; онъ былъ поддерживаемъ, вмѣсто колоннъ, по древнему обычаю, колоссальными фигурами изъ цѣльнаго камня, вышиною въ шестнадцать локтей. Вся крыша (или потолокъ) была мраморная, шириною въ восемь локтей, и изображала лазоревое небо, усыянное звѣздами. Изъ сего перистиля былъ входъ въ другой перистиль, во всемъ сходный съ первымъ, и отличавшійся отъ него только рѣзными изображеніями. Въ немъ находились три статуи изъ цѣльнаго Сіенскаго гранита. Одна изъ нихъ, сѣдящая, была величайшею во всемъ Египтѣ; ея ноги были болѣе семи локтей. Другія двѣ стояли преклоненными къ ея колѣнамъ, изображая мать и дочь... Была еще другая статуя, матери, въ сторонѣ; три вѣнца на головѣ ея означали, что она была дочерію, женою и матерью. Позади сего перистиля находился третій перистиль, еще знаменитѣе; въ немъ видны были на стѣнахъ разныя рѣзныя изображенія, представлявшія войну противу возмущенныхъ Бактріанъ. На первой стѣнѣ былъ представленъ царь, осаждающій крѣпость, стоящую на берегу рѣки, и сражающійся въ первыхъ рядахъ, вспомоществуемый своимъ домашнимъ львомъ. На второй стѣнѣ, плѣнные приводятся передъ царя съ обрубленными руками. Третья стѣна изображала жертвоприношенія и торжество царя, возвращавшагося съ войны. Посрединѣ сего перистиля, стоялъ огромный мраморный жертвенникъ, надъ которымъ видно было открытое небо. У послѣдней стѣны были два колоссальныя сѣдяція изваянія, вышиною въ XXVII локтей; возлѣ нихъ три двери, вели въ чертогъ, основанный на колоннахъ, на подобіе Одеона. Въ этомъ чертогѣ находились многія деревянныя статуи, изображавшія судей, числомъ до XXX, и стояли въ нишахъ. Посреди, возвышалась статуя предсѣдателя, съ закрытыми глазами; на шеѣ его висѣло изображеніе Истины, а возлѣ него лежали нѣсколько книгъ. Это значило, что Судія долженъ руководствоваться одною истиною и быть безкорыстнымъ. За симъ слѣдовалъ корридоръ, гдѣ были изображенія, касающіяся до трапезы. Тутъ же изящно представленъ царь, посвящающій богу золото, серебро и другіе металлы, ежегодно съ Египта пріобрѣтаемые. Сумма доходовъ была начертана: она составляла XXXII милліона минъ. Далѣе слѣдовало книгохранилище, съ надписью: лекарство для души — и тутъ же были изображенія всѣхъ боговъ Египта, предъ которыми совершаетъ жертвоприношенія самъ царь... Возлѣ книгохранилища была храмина великолѣпнѣйшаго построенія, съ двадцатью ложами, въ которыхъ находились изваянія Зевеса, Юноны и самага царя; тутъ же хранилась въ особомъ памятникѣ его мумія. Вокругъ были устроены придѣлы съ живописными изображеніями всѣхъ священныхъ Египетскихъ животныхъ. Отсюда вела лѣстница на верхъ памятника, гдѣ былъ утверждёнъ золотой кругъ, имѣвшій 365 локтей въ окружности и одинъ локоть въ толщину. На пространствѣ каждаго локтя были обозначены и раздѣлены дни года, восхожденіе и захожденіе свѣтилъ небесныхъ и астрологическія значенія каждаго изъ нихъ. Повѣствуютъ, что этотъ кругъ былъ похищенъ Камбизомъ.»

По этому тексту Діодора, при существующихъ остаткахъ этого великолѣпнаго памятника, воображеніе, безъ труда, созидаётъ дивный чертогъ Сезостриса. Всѣ рѣзныя изображенія на гранитныхъ стѣнахъ — изящны. Битвы Египтянъ съ Бактріанами (или Персами) можно назвать *гомерическими*: это высокая эпопея! Можно объяснить ту жестокость, съ которою Персы Камбизовы, чрезъ нѣсколько столѣтій послѣ, мстили Оивамъ, находя на ихъ вѣковыхъ стѣнахъ безпрестанныя изображенія торжества Египтянъ надъ ихъ предками!

Всѣ изображенія религіозныхъ и воинственныхъ процессій заключаютъ здѣсь ту первобытную художественную красоту, которой напослѣдокъ гениально подражали Греки въ своихъ рельефахъ. Религіозныя изображенія исполнены глубочайшей важности. Я назову изъ нихъ три слѣдующія:

Во второмъ перистилѣ, по тексту Діодора и слѣдуя буквально объясненіямъ Шамполіона, по обѣимъ сторонамъ двери передней стѣны, видны двѣ обширныя рѣзныя картины: въ *первой*, богиня *Паитъ*, съ львиною головою, супруга бога *Фта*, *госпожа небеснаго чертога* воздвигаетъ правую руку на шлемоносную главу Рамзеса и вѣщаетъ: »Я тебѣ пріуготовила діадему солнца, да пребудетъ шлемъ сей на твоёмъ рогѣ (челѣ).« Вмѣстѣ

съ симъ она представляетъ царя верховному богу *Аммону-Ра*, который, възсѣдя на тронѣ, подноситъ къ лицу царя эмблему чистой жизни. Во второй картинѣ представлено царское посвященіе. Два главнѣйшія божества Египта, *Аммонъ-Ра* и божественная мать, великая *Моуть*, посвящая Рамзеса въ царское достоинство, вручаетъ ему *серпъ битвъ*, первоначальный образецъ *гарпеи* Греческихъ миѳовъ, и вмѣстѣ съ симъ, эмблемы управления и воздержанія: *бичъ* и *педумъ*, — вѣщая:

»Вотъ что говоритъ Аммонъ-Ра, обитающій въ Рамессеіонѣ: Прими серпъ битвъ для удержанія чужеземныхъ народовъ и для пожинанія главъ нечистыхъ. Возьми бичъ и педумъ, для управления землею (Египта).«

Замѣтимъ весьма любопытное іероглифическое выраженіе первой картины: »да пребудетъ шлемъ сей на твоёмъ *рогѣ*.« Исключая даже изображенія Аммона, я не рѣдко встрѣчалъ, особенно на военныхъ Египетскихъ картинахъ, *роги* на главахъ владыкъ или на шлемахъ воюющихъ и даже плѣнниковъ, ведомыхъ въ торжествѣ за побѣдителемъ. Это совершенно объясняетъ многія выраженія Священнаго Писанія. Приведемъ въ примѣръ пророчество Даниила: »Овень, ею же видѣлъ еси имуща рога, царь Мидскій и Перскій. А козель козій, царь Еллинскій есть рогъ же великій, иже между очима его, той есть царь первѣй⁷;« т. е. царь Мидійскій и Персидскій; и вы именно найдете въ Фивскахъ картинахъ, Бактрианъ или Персовъ: съ однимъ рогомъ, выходящимъ изъ середи лба *между очима*. Вышеприведенная іероглифическая надпись на картинѣ царскаго посвященія совершенно поясняетъ стихъ 17-й, Псалма 131, гдѣ сказано: »Тамъ возращу рогъ Давиду, поставлю Свѣтильникъ помазаннику Моему.«

Въ слѣдующемъ за симъ перистилѣ, также на передней стѣнѣ, въ право отъ двери, Рамзесъ представленъ сидящимъ на тронѣ, у подножія бога Аммона-Ра и подъ тѣшю обширнаго *Персеа*, небснаго дерева жизни. Державный богъ и богиня Сафъ, покровительствующая письмену и науки, рисуютъ на сердцеобразныхъ плодахъ сего дерева очеркъ прозванія Рамзеса великаго; между тѣмъ какъ богъ *Өотъ* начертываетъ собственное имя царя, которому Аммонъ-Ра говоритъ слѣдующее: »Прииди, я вырѣзываю твое имя на долгій рядъ дней, дабы оно существовало на древѣ жизни.«

Шамполіонъ полагаетъ, что возлѣ сего перистилия были частные чертоги Сезостриса. Какъ имя его одушевляетъ эти стѣны, и безъ того полныя жизни и таинственныхъ изрѣченій, съ которыхъ едва начинаютъ приподнимать завѣсу! Дверь слѣдующаго чертога, вела положительно въ то знаменитое книгохранилище, гдѣ существовала столь знаменитая надпись: »*Лекарство для души*.« Отъ этого книгохранилища остались только четыре колонны и общая съ чертогомъ Сезостриса стѣна, на которой сбереглись тѣ самыя изображенія, о которыхъ говоритъ Діодоръ. Сверхъ того Шамполіонъ замѣтилъ тутъ изображеніе двухъ божествъ. Одно, съ ибисовою головою, — есть *Өотъ*, изобрѣтатель буквъ; а другая, богиня *Сафъ*, покровительница письменъ съ замѣчательнымъ іероглифическимъ прозваніемъ: *Владѣтельница буквъ и предсѣдательница книгохранилища*. Все остальное ниспровергнуто и замѣнено прахомъ!

Я всего болѣе любилъ, въ послѣдствіи, останавливаться въ этой части зданія, откуда можетъ быть, распространялся свѣтъ наукъ на весь Египетъ. Надобно взглянуть отсюда сквозь линію колоннадъ и дверей на поверженную въ концѣ перспективы колоссальную громаду царственнаго колосса Озимандія: онъ упалъ поперекъ перистилия, обломивъ паденіемъ сѣверную стѣну. Плечи, на которыхъ видны dospѣхи, и уже сглаженная голова, занимаютъ большую часть этого перистилия. Я долго стоялъ въ безмолвіи, глядя на это поразительное зрѣлище и потомъ, взявшись за карандашъ, срисовалъ какъ могъ эту картину. Вспомнилъ, что говорилъ Пророкъ Исаія: »Строители кумировъ всѣ остаются ни съ чѣмъ, и любимые ихъ бесполезны для нихъ; они сами себѣ въ томъ свидѣтели; но они не хотятъ видѣть и знать; посему будутъ стыдомъ покрыты. Кто можетъ сдѣлать Бога? Выплавливаютъ кумиры, отъ которыхъ пользы нѣтъ! Вотъ, всѣ сообщники его будутъ постыжены; и художники сами изъ людей же.«

⁷ Гл. VIII. 20. 21.

ГЛАВА VI

ӨИВЫ: — МЕМНОНИУМЪ.

Съ трудомъ оторвавшись отъ сего мѣста, я направился къ пустыннымъ колоссамъ. Солнце уже склонялось за Ливійскія горы, когда я остановился у подножія *Мемнона*, подавленный его высотой. Невольно долженъ я былъ отступить далеко, чтобы глядѣть на него. Искривленные варварствомъ и временемъ, оба исполинскіе Фараона, черные какъ Эѳіопы, сидятъ съ простертыми на колѣна руками, и, съ смертною думою на челѣ, глядятъ, также какъ и сфинксъ большихъ пирамидъ, — на Востокъ!... Превосходные отдѣлкою іероглифы вѣщаютъ на первомъ колоссѣ »Се царственный владыка Верхнихъ и Нижнихъ странъ, исправитель нравовъ, содержащій въ мирѣ «вселенную, Горусъ, великій своею силою, поразившій варваровъ, царь-солнце, владыко истины, сынъ солнца, Аменофъ (Мемнонь), смиритель ясной страны, любимый Аммономъ-Ра, царемъ боговъ.« Шамполіонъ утверждаетъ, что этотъ колоссъ изображаетъ Фараона Аменофа III, (XVIII-й династіи), царствовавшего около 1680 года до Р. X.

Высоту этихъ исполиновъ можно положить саженой въ девять. По сдѣланному расчисленію, каждый изъ нихъ могъ имѣть вѣсу до 66 тысячъ пудовъ. Безчисленныя надписи Грековъ и Римлянъ испещряютъ стопы и колѣна Мемнона. Всѣ эти надписи времени Нерона, Веспасіана, Нервы, Траяна, а болыпею частію Адриана, когда онъ посѣщаль Египетъ съ своею женою Сабиною,— свидѣтельствуютъ о истинѣ акустическаго феномена, о звукахъ издаваемыхъ Мемнономъ при первомъ прикосновеніи до него лучей солнца. Верхняя часть этого колосса была, также какъ и колоссъ Озимандія, ниспровергнута землетрясеніемъ и замѣчательно, что только тогда онъ издавалъ звуки. Страбонъ бывъ лѣтъ 20 послѣ землетрясенія, видѣлъ его въ этомъ положеніи, равно какъ и Павзаній, сто сорокъ лѣтъ послѣ. Страбонъ говоритъ: »Изъ двухъ колоссовъ цѣльнаго камня, стоящихъ одинъ возлѣ другаго, одинъ въ цѣлости, другой же разбитъ пополамъ; верхняя часть упала, какъ мнѣ сказывали, отъ землетрясенія. Находясь тутъ съ Эліемъ-Галломъ, который былъ сопровождаемъ многими друзьями и военачальщиками, я слышалъ звукъ въ первомъ часу дня (т. е. *при восхожденіи солнца*); но не могу утвердить, изъ престола-ли, на которомъ сидитъ Мемнонь; отъ самага-ли колосса или изъ его окружности произошелъ этотъ звукъ, потому что по неизвѣстности причинъ, все другое мнѣ кажется вѣроятнѣе, чѣмъ то, чтобы звукъ этотъ могъ произойти отъ камня.

Вотъ теперъ слова Павзанія: »я видѣлъ въ Өивахъ, сидящую колоссальную статую, изображающую Солнце; хотя ей даютъ названіе *Мемнона*, но өивяне не признаютъ ее подъ этимъ именемъ, а называютъ ее именемъ своего царя, *Ф'Аменофъ*. Камбизъ ее разрушилъ; верхняя половина тѣла повержена на землю, а остальная половина издаетъ всякій день, при солнечномъ восходѣ звукъ, который походитъ на звукъ лирной струны, внезапно оборвавшейся.« Прибавимъ, что Діодоръ Сицилійскій, который былъ въ Египтѣ лѣтъ за пятьдесятъ до Страбона, ничего еще не говоритъ о звукахъ этой чудесной статуи и не приписываетъ ей Греческаго имени Мемнона; слѣдовательно, акустическій Феномень произошелъ только послѣ поврежденія статуи. Ювеналь, также какъ Павзаній, подтверждаетъ въ великолѣпныхъ стихахъ, что звукъ Мемнона выходилъ изъ одной половины колосса:

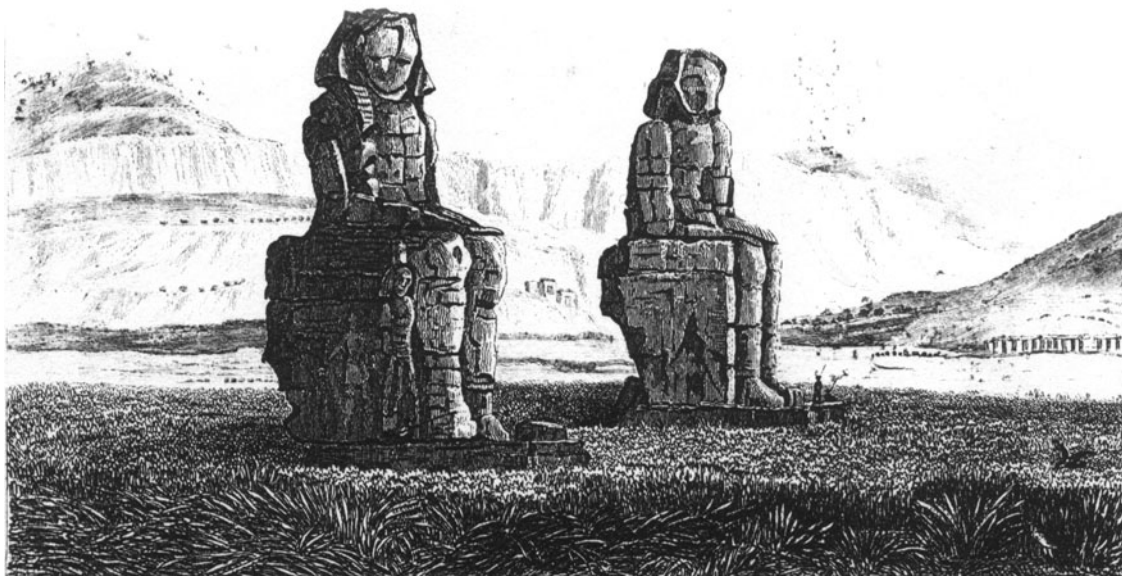
Dimidio magicae resonant ubi Memnone chordae, т. е.

»Тамъ изъ половины Мемнона исходятъ волшебные звуки.«

Феномень этотъ объясненъ новѣйшими открытіями. Дознано, что въ тропическихъ климатахъ граниты и точильный камень могутъ издавать звуки, когда восходящее солнце внезапно ударяя на нихъ, сильнымъ жаромъ, поспѣшно вытягиваетъ изъ нихъ ту влажность, которою они напитались въ продолженіе ночи обильною росою. Это замѣтилъ Гумбольдтъ

на берегахъ Оренока, де-Розьеръ въ Пиренеяхъ и нѣкоторые путешественники въ самихъ Оивахъ, именно въ гранитныхъ развалинахъ Карнака. Септимій-Северъ возстановилъ статую Мемнона, но, съ той поры она хранитъ мертвое молчаніе. . .

И такъ, названіе: *Мемнона* принадлежитъ статуѣ гораздо послѣ паденія Египта и только со времени ея разрушенія, когда оказался феноменъ акустическій; это было во владычество Римлянъ. Этотъ народъ, полный поэзіи, воспламенясь мнимымъ чудомъ и слышавъ, что одинъ гробовой кварталъ Оивъ назывался Греческимъ именемъ: *Мемнонія*, — воскресилъ басню о Мемнонѣ Гомеровомъ, сынѣ Титона и Авроры, который, пришедъ къ Троѣ съ вспомогательнымъ войскомъ, изъ дальнихъ предѣловъ Эѳіопіи, и прославивъ себя на пути великими воинственными дѣлами, погибъ наконецъ въ битвѣ. Утренняя роса означала слезы его матери Авроры, проливаемая надъ его прахомъ; этотъ прахъ породилъ особаго рода птицъ, которыя въ положенное время выпускали жалобные вопли надъ его гробомъ, и проч. Мифологія Мемнона чрезвычайно запутана, и изъ всѣхъ басней о немъ можно, какъ намъ кажется, заключить, что Мемнонъ есть нечто иное, какъ Озимандій Діодора или Сезострисъ-Рамзесъ Геродота, потрясшій своими побѣдами весь древній міръ, и что память героя, пришедшаго съ черными Эѳіопами, дотолѣ невиданными, изъ дальнихъ предѣловъ, откуда встаетъ солнце, воспламенила воображеніе народовъ Малой Азіи и Греціи, которые прозвали его: *сыномъ Солнца, сыномъ Зари* и тому подобное. Нѣкоторымъ доказательствомъ, что имя Мемнона приписано этими народами одному изъ Фараоновъ Египетскихъ, служитъ во-первыхъ, вышеприведенное свидѣтельство Павзанія, а потомъ, надпись, вырѣзанная на статуѣ Мемнова, гдѣ его имя соединено съ именемъ Фараона, и гдѣ онъ названъ: *Μεμνονος ἢ Φάμενοφ* т. е. *Мемнонь Ф'Аменофъ*.

КОЛОССЫ МЕМНОНА

Изъ многочисленныхъ надписей въ дань Мемнону, я выйшу три Греческія и одну Латинскую, которыя мнѣ показались любопытнѣе:

»Ѳетида, обитающая въ морѣ, увѣдай, что Мемнонъ еще живъ, и что согрѣваемый лучами своей матери, онъ возноситъ звучный гласъ у подошвы Ливійскихъ горъ, въ Египтѣ, тамъ гдѣ Ниль, въ своемъ теченіи, раздѣляетъ стовратыя Оивы; межъ тѣмъ, какъ твой Ахиллъ, ненасытный битвами, лежитъ бездушень въ поляхъ Трои.«

Надобно вспомнить, что Ахиллъ противуборствовалъ Мемнону подъ Троею. Эти строки подписаны поэтомъ Асклепідотомъ.

Вотъ надпись, которая находится на лѣвой ногѣ колосса и сочинена дочерію какой-то Требуллы:

»Камбизъ раздробилъ меня, — этотъ камень, что ты видишь⁸, — представляющій образъ царя *Восточнаго*. Я оплакивалъ жалобнымъ голосомъ бѣдствія «Мемнона; но Камбизъ уже давно лишилъ меня этого голоса. Теперь жалобы мои состоятъ изъ глухихъ и непонятныхъ звуковъ. Вотъ все, что мнѣ осталось отъ моего жребія.»

Вотъ еще женская надпись:

»Стихи Юліи Балбиллы, когда Адрианъ Императоръ услышалъ Мемнона.»

»Я знала, что Мемнонь-Египтянинъ, согрѣтый лучами солнца, издаетъ гласъ, выходящій изъ Фивскаго камня. Увидѣвъ Адриана, царя вселенной, передъ восходомъ солнечнымъ, онъ прорекъ ему какъ могъ: *здравствуй!* Но, когда Титанъ, влекомый по воздуху на бѣлыхъ коняхъ, достигъ второй степени часовъ, означаемыхъ тѣнію квадранта, Мемнонь вновь издалъ звонкій гласъ, подобный удару по мѣди; и, полный восторга, прозвучалъ еще въ третій разъ. Императоръ Адрианъ привѣтствовалъ Мемнона столько же разъ, и Балбилла, начертала стихи сїи, ею сочиненные, которые удостовѣряютъ въ томъ, что она ясно слышала. И такъ, для всякаго очевидно, что боги нѣжно любятъ Адриана.»

Вотъ позднѣйшая надпись времени Императора Септимія Севера, который также посѣщалъ Мемнона.

IMP. DOMITIANO
CAESARAE AVGVSTO GERMANICO
T. PETRONIVS SECVNDVS PR.
AVDIT MEMNONEM HORAI PR. IDVS MART.

Вспомнивъ читанное мною нѣкогда, что на колоссѣ Мемнона найдено было имя доблестнаго Германика, я употребилъ много трудовъ, чтобы найти его; подмащивался къ самымъ колѣнамъ грознаго исполина, и — напрасно! Въ приведенной здѣсь надписи имя Домиціана, съ прозваніемъ Германика, минутно обмануло меня. Изъ именъ извѣстныхъ я нашель только Греческую подпись *Гелиодора*; можно почти утвердительно сказать, что это извѣстный писатель, отъ котораго мы имѣемъ Греческій классическій романъ, подъ заглавіемъ: Эѳіопики или любовь Феагена и Хариклеи, и гдѣ онъ много говоритъ о Египтѣ.⁹

Разсказъ Тацита о посѣщеніи Германикомъ Фивъ весьма любопытенъ, и я не могъ не вспомнить о немъ въ виду этого поэтическаго разрушенія; вотъ слова великаго историка:

«Герланикъ посѣтилъ великіе остатки древнихъ Фивъ. На огромныхъ зданіяхъ еще видны были надписи, Египетскими буквами, свидѣтельствующія о прошедшемъ великолѣпїи. Онъ просилъ старѣйшаго изъ жрецовъ истолковать ему эти начертанія; ему сказали: они свидѣлствуютъ, что здѣсь было нѣкогда семьсотъ тысячъ человѣкъ, способныхъ поднять оружіе; что съ этимъ войскомъ царь Рамзесъ завоевалъ Ливію, Эѳіопію, Мидію, Персію, Бактріану и Скиѳію, и что всѣ земли, обитаемыя Сиріянами, Армянами и Каппадокійцами, отъ моря Виѳинійскаго до моря Ликійскаго, принадлежали его владычеству. Тутъ же написано, какія подати были наложены на этихъ народовъ, сколько каждый изъ нихъ платилъ златомъ, серебромъ, слоновою костью и благовоніями для храмовъ; оружіемъ, лошадьми, хлѣбомъ и другими приношеніями; — и что этотъ доходъ былъ не менѣе того, который получаютъ теперь Парѳяне или Римская Имперія. Потомъ, Германнкъ обозрѣлъ другіе дивные предметы, какъ-то: каменное изваяніе Мемнона, которое, съ прикосновеніемъ къ нему солнечныхъ лучей, издаетъ звукъ подобный голосу человѣческому; пирамиды, подобно горамъ возносящіяся изъ песчаной пустыни и едва досягаемыя, — памятники могущества и великолѣпїя царей; вырытыя озера отъ наводненій при разлитїи Нила... Потомъ онъ достигъ Елефантины и Сїены, гдѣ былъ тогда предѣлъ Римской Имперїи, которая теперь простирается до Чермнаго моря¹⁰.»

Составы верхней части Мемнонова колосса возстановленнаго Септиміемъ-Северомъ,

⁸ *Σθραλοσε Камβύσης με τὸνδε τὸν λίθον.*

⁹ Онъ былъ оруженецъ Финикїи, и процвѣталъ при Императорѣ Θεодорѣ.

¹⁰ Tacit. Annal. II 60. 61.

ясно обозначаются. Онъ былъ обрушенъ до самыхъ локтей, когда издавалъ таинственные звуки. Другой колоссъ, котораго размѣръ точно такой-же, не былъ поврежденъ, но этотъ монолитъ не менѣе искаженъ, хотя его іероглифическія начертанія на бокахъ престола болѣе сохранились; тутъ Шамполіонъ прочелъ вышеприведенную надпись. Передняя часть трона, по обоимъ бокамъ, вмѣсто ножекъ, состоитъ изъ двухъ женскихъ фигуръ, во весь ростъ, болѣе 2 саж. въ вышину; ихъ головы доходятъ до начала колѣнъ колоссовъ; онѣ изображаютъ: съ правой стороны жену фараона, а съ лѣвой, его мать. Эти статуи отдѣланы со всевозможнымъ тщаніемъ и даютъ понятіе о томъ, какъ были великолѣпны самые колоссы. Поле, кругомъ этихъ гигантовъ, было при мнѣ засѣяно сарацинскимъ пшеномъ; яркая зелень этого посѣва и молодыхъ мимозъ и акацій представлялась въ поразительной противоположности съ почернѣвшими отъ тысячелѣтій истуканами. Я срисовалъ ихъ, выбравъ ту точку зрѣнія, когда ихъ головы и плечи господствуютъ надъ хребтами, встающихъ позади ихъ Ливійскихъ горъ, гдѣ заключаются столь знаменитыя гробницы Оивскихъ фараоновъ.

Теперь надобно себѣ представить, что оба сіи колосса сидѣли при входѣ въ храмъ, — называемый Страбономъ *Мемноніумъ*, — по обѣимъ сторонамъ преддверія. Когда я подъѣхалъ къ камнямъ, на которыхъ утверждены троны колоссовъ, голова моя только что доставала до платформы этихъ камней. Пусть воображеніе ваше представитъ себѣ, каковъ былъ самый храмъ и какъ ужасно разрушеніе Оивъ, когда отъ такого зданія остались только два вѣрные его придверника? Надобно сказать, что вся окрестность этихъ двухъ статуй называется по сіе время *полемъ гигантовъ*. Мощные члены безчисленнаго множества колоссальныхъ статуй, *вмѣстѣ* съ обломками колоннъ, разбросаны по всему пространству; нѣкоторые изъ такихъ обломковъ, перевезенные въ Европу, послужили лучшимъ украшеніемъ музеумовъ. Такова голова *молодаго Мемнона*, которую Бельзони, съ помощію ста тридцати Арабовъ, довлекъ до берега Нила; она теперь находится въ Британскомъ музеумѣ. Однако, не подалеку отъ колоссовъ, еще доселѣ видны остатки того храма, который примыкалъ къ нимъ. Я тамъ нашелъ нѣсколько *базисовъ* колоннъ, изъ которыхъ инныя соединяють пять колоннъ, въ одну. Тутъ также видны: огромный остатокъ гранитнаго пилона съ іероглифами, три обломанныя статуи Фараоновъ или боговъ, сидѣвшихъ въ святилищѣ, а нынѣ оставленныхъ на поруганіе приходящихъ, — и наконецъ, остатки гранитныхъ сфинксовъ, изъ которыхъ два украшаютъ теперь берега Невы. Сверхъ того, я видѣлъ тутъ огромную гранитную груды, которая, вѣроятно, есть обрушенное колоссальное изваяніе. По этимъ остаткамъ полагають, что зданіе, называемое Мемноніумъ, у котораго были придверниками существующіе два колосса, имѣло, меньшею мѣрою, 260 саженой въ длину!

Способъ, которымъ Египтяне двигали такія массы, каковы колоссы Озимандія и Мемноновъ, изображенъ въ одной рѣзной картинѣ Оивъ. Во-первыхъ отъ того мѣста, гдѣ былъ обрабатываемъ истуканъ, устраивалась дорога, которая состояла изъ двухъ *рельсовъ*, подобно какъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Истуканъ ставился на полозки и окручивался канатами, которыхъ концы были проведены къ толпѣ народа, влекшаго эту массу. На полозкахъ, съ переди, изображенъ человекъ поливающий рельсы масломъ или другою какою жидкостію. На колѣнахъ колосса стоитъ распорядитель работъ и бьетъ руками тактъ, чтобы дружныѣ тянули; по сторонамъ, жрецы, съ пальмовыми вѣтвями, сопровождаютъ торжественное шествіе царственной статуи или идола.

На другой день послѣ моего прибытія въ Оивы, я, съ простодушіемъ *древнихъ*, отправился на зарѣ къ колоссу Мемнона, чтобъ видѣть его въ тотъ торжественный часъ, когда онъ отвѣтствовалъ привѣтнымъ лучамъ Озириса. Едва подъѣхалъ я къ развалинамъ памятника Озимандія, какъ блеснули первые лучи солнца. Я никогда не забуду того удивленія, которымъ я былъ пораженъ увидя, какъ вдругъ двѣ гигантскія тѣни быстро потянулись отъ колоссовъ Мемнона по всей долинѣ разрушенія и полегли главами своими на хребты Ливійскихъ горъ — тамъ гдѣ погребенъ ихъ Фараонъ!

ГЛАВА VII.

ӨИВЫ: МЕДИНЕТЪ-АБУ.

Бродя вечеромъ по развалинамъ Мемноніума и утомясь отъ пути, я сѣлъ на плечо одной поверженной Изіаческой статуи, противу самыхъ царственныхъ колоссовъ, которые всегда привлекали мое вниманіе, подобно какъ пирамиды въ Каирь. Я столь долго просидѣлъ въ такомъ-же безмолвіи, какъ и эти геніальные камни, что свѣтъ зари погасавшей на ихъ головахъ, началъ уже смѣняться свѣтомъ луны, вышедшей изъ-за *гробовыхъ* горъ Ливійскихъ. Тутъ только я вспомнилъ, что направлялся къ развалинамъ лежащимъ на западѣ и называемымъ *Мединетъ-Абу*. Свѣтъ полной луны прельстилъ меня и я продолжалъ туда путь.

Подѣзжая къ высотѣ, которая увѣнчана этимъ чертогомъ Фараоновъ, мнѣ казалось, что тутъ цѣлый городъ, и въ самомъ дѣлѣ, во время владычества Римлянъ, городокъ *Папа* пристроился вокругъ этихъ чертоговъ и даже *на нихъ*, — какъ мы пояснимъ это послѣ. Арабское названіе *Мединетъ-Абу*, значить *городъ Лбу* или *отца*. Всѣ эти временныя зданія Грековъ, Римлянъ и Арабовъ, отживъ сто, двѣсти, триста лѣтъ, — исчезли, а дѣла исполиновъ-Египтянъ, опять очистились отъ этихъ грудъ и хотя болѣе и болѣе искаженныя, но, отреся прахъ поколѣній покрывающій ихъ, все еще готовы простоять тысячи лѣтъ, если варварскія руки людей не будутъ ихъ подкапывать.

Мы подошли къ большой оградѣ, до половины вросшей въ землю. Мой путеводитель Абу-Гарбъ хотѣлъ провести меня чрезъ боковое отверстіе разрушенной стѣны, но я велѣлъ ему итти чрезъ настоящій входъ, воображая, что я иду къ древнимъ Өивьянамъ; тутъ я услышалъ, что Абу-Гарбъ назвалъ Шамполіона, и мой драгоманъ сказалъ мнѣ, что по словамъ вожатаго, у меня такой же нравъ, какъ у Шамполіона, который не позволилъ себя вести иначе, какъ главнымъ ходомъ. Съ такимъ привѣтствіемъ, вступилъ я въ ворота ограды, которая болѣе чѣмъ до половины вросла въ землю такъ, что изъ подъ нее выходятъ головы колоссальныхъ героевъ, начертанныхъ на стѣнѣ. Чрезъ обширный дворъ подошли мы къ выходу изъ пропилеевъ. Съ обѣихъ сторонъ воротъ стояли по четыре огромныя колонны, соединенныя съ низу простѣнками; только двѣ боковыя колонны, находящіяся съ каждой стороны дверей, гордо возносятся, съ своими великолѣпными лотосовыми капителями, надъ грудями развалинъ, сквозь которыя я едва могъ пробиться. Изъ этой груды встаютъ двѣ усѣченныя пирамиды, соединенныя великолѣпными воротами; это уже настоящій входъ въ Фараоновскіе чертоги. Надобно теперъ сказать, однажды на всегда, что эти *усѣченныя пирамиды*, особый родъ зодчества, существовавшій только у Египтянъ, названы *пилонами*¹¹; они образуютъ всегда входъ въ Египетскія зданія. Колоссальная и классическая простота этихъ пилоновъ особенно принаровлена къ строгому зодчеству Египтянъ. Первые пилоны въ *Мединетъ-Абу* имѣютъ до 9-ти сажень въ вышину, Тутъ встрѣчаютъ васъ съ распростертыми руками двѣ героическія фигуры, глубоко врѣзанныя на обоихъ стѣнахъ, вмѣстѣ съ іероглифическими надписями и изображеніями.

За огромными пилонами слѣдуетъ небольшое зданіе, очень красивое, въ видѣ малаго святилища; проблескъ луннаго свѣта сквозь обрушенные своды озарялъ ряды человѣческихъ изображеній, являвшихся какъ бы *съ того свѣта*, которые, то скрывались во тьмѣ, то опять появлялись, или въ видѣ побѣдителей, или въ видѣ жрецовъ... Наконецъ, пройдя еще сквозь два гигантскіе пилоны по ужаснымъ грудамъ развалинъ, я увидѣлъ подъ открытымъ небомъ, при ясномъ блескѣ полной луны, обширный квадратный дворъ, обнесенный столь великолѣпными портиками, что они поражаютъ удивленіемъ воображеніе самое холодное. Первые два противоположныя *фаса* этихъ портиковъ, или галлерей, поддерживаются пиластрами, къ которымъ прислонены колоссальныя статуи Египетскихъ боговъ; они, подобно какъ въ храмѣ Озимандія, стоятъ сложа руки, съ лицами хотя поврежденными, но хранящими необыкновенную и вдохновительную важность. Другіе два противоположныя

¹¹ Это названіе, можетъ быть Египетское, передалъ намъ Діодоръ и Климентъ Александрійскій, а не Французы, какъ сказалъ знаменитый Герень.

фаса поддерживаются пышными колоннами съ капителями изъ лotosовыхъ листьевъ и пальмовыхъ вѣтвей. Внутреннія гранитныя стѣны галлерей съ потолка до низу одѣты историческими и египетскими картинами, равно какъ и иероглифическими надписями, которыя тянутся даже по всѣмъ карнизамъ, внутреннимъ и наружнымъ. По сторонамъ этихъ несравненныхъ портиковъ расположены, съ каждой стороны, по четыре залы въ такомъ-же вкусѣ. Чудесное великолѣпіе портика затмѣваетъ прочія зданія. Здѣсь, какъ я узналъ послѣ, былъ за 1700 лѣтъ до Р. Х., настоящій чертогъ Фараоновъ Тутмосисовъ I, II и III-го (иначе Мериса), всѣ же пройденныя мною зданія, суть пристройки. Первое зданіе, слѣдуя отъ чертоговъ Тутмосисовъ, принадлежитъ Эѳіопскому царю Тагаракъ; второе, — Греческой эпохи, — Птоломею Сотеру II; третье Римскому Императору Адриану¹². Это совершенно согласно со словами Страбона, который говоритъ, что каждый царь старался украшать народныя зданія и прибавлялъ свои чертоги къ чертогамъ своихъ предмѣстниковъ¹³. Двѣ живописныя колонны Коринѳскаго ордена, и около нихъ нѣсколько обломковъ и основаній другихъ подобныхъ *иноземныхъ* колоннъ, очевидно не входившихъ въ составъ зданія, ни по своему *стилю*, ни по мѣстности, потому что онѣ водружены на площади передъ однимъ изъ портиковъ невольно обращаютъ вниманіе. Всмотрѣвшись пристальнѣе, вы увидите на нихъ и на ближнихъ стѣнахъ благословенное крестное знаменіе, вычеканенное или окрашенное. Путешественникъ глубоко тронуть, вспоминая, что нѣкогда, въ этихъ тысячелѣтнихъ капищахъ раздавались хвалебныя гимны Искупителю міра, передъ Именемъ котораго, по совершившимся предреченіямъ Пророковъ, сокрушились кумиры Египетскіе. Колонны, о которыхъ мы говоримъ, окружали Христіанскій алтарь, а гранитныя галлерей Фараоновъ потрясавшихъ міръ, служили кельями для святыхъ отшельниковъ!

Здѣсь была обитель Св. Пахомія. Воспитанный жрецами Египетскими, и находясь въ юношествѣ подъ знаменами Максимиана, онъ такъ былъ пораженъ, въ бытность свою въ Оивахъ, братскою жизнію Христіанъ тамъ находившихся, что свергъ съ себя иго міра и пріюбщился къ стаду Христову. Руководимый Св. Палемономъ, съ которымъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ пустынномъ уединеніи близъ Тентирииса, онъ наконецъ переселился въ 338 году на развалины этой части Оивъ, гдѣ образовался Римскій городокъ *Пана*¹⁴. Онъ преимущественно занялся обращеніемъ окрестныхъ сельскихъ жителей, и оставилъ по себѣ семь тысячъ послѣдователей, которые распространили Евангельское слово за дальніе предѣлы Египта.

Усталые отъ пути по развалинамъ, мы расположились у этихъ колоннъ и собирались ужинать; какъ вдругъ мой бедуинъ Али-Абу-Гарбъ, видя, что я не сводилъ глазъ съ великолѣпной картины этихъ портиковъ, колоннъ и статуй, освѣщенныхъ луною, вскочилъ на ноги, и дѣлая мнѣ знаки, началъ собирать разобранные вьюки наши; мой драгоманъ объяснилъ мнѣ, что онъ хочетъ вести меня на террасу, откуда обѣщаетъ показать картину еще превосходнѣйшую. Мы за нимъ послѣдовали на верхъ по узкой темной лѣстницѣ, совершенно сохранившейся; — выходя на свѣтъ, я замѣтилъ, что даже стѣны этой лѣстницы покрыты иероглифическимъ письмомъ! Нельзя не удивляться на каждомъ шагу, глубокомыслію этого первобытнаго народа, который, изъ храмовъ, чертоговъ царей и другихъ публичныхъ зданій — дѣлалъ *книги*, для изученія ихъ въ продолженіе всей жизни, и которыхъ гранитныя листы переживъ тысячелѣтія, могутъ быть еще прочтены будущими поколѣніями!

Когда мы вышли на террасу, я не могъ не обнять моего Али-Абу-Гарба! Фараоновскіе чертоги были опять передъ моими глазами и сверхъ того всѣ пройденныя нами зданія съ пирамидальными пилонами, съ перистиллями, съ колоннами, съ грудями развалинъ, развертывались передо мною въ одномъ объемѣ; далѣе, темныя массы Ливійскихъ горъ, а кругомъ, — вся опустѣвшая долина стовратныхъ Оивъ, тяготившихъ ее столько вѣковъ своими грудями, выказывала кой-гдѣ на позоръ, остатки поруганныхъ храмовъ и дворцовъ,

¹² См. Champollion. Lettres.

¹³ L. XVII. I. § 8.

¹⁴ Въ жизни Св. Пахомія это мѣсто названо неправильно: *Пабау*.

оберегаемые двумя гигантами, — этими призраками Фараонов ; но они , все еще господствуют надъ послѣднимъ прахомъ своей столицы. Никогда я не забуду этой поэтической ночи! ...

Свѣтъ дневной обнаруживаетъ во всемъ ужасѣ разрушеніе этихъ царственныхъ палатъ, такъ меланхолически отѣненныхъ покровомъ ночи. Какая жатва для наукъ и для художествъ собрана и можетъ быть собираема ежедневно съ этихъ стѣнъ, говорящихъ языкомъ героическимъ, или мистическимъ, или представляющихъ вамъ въ лицахъ, событія, которыя уже внѣ предѣловъ исторіи.

Портики Тутмосисовъ представляютъ вамъ всѣ подробности нравственной и военной жизни мудрыхъ Египтянъ. Мало кто можетъ, безъ помощи Шамполіоновъ, читать эту эпопею, и потому приглашаю желающихъ болѣе вникнуть въ этотъ предметъ, развернуть книгу Шамполіона. Битвы Фараоновъ на сушѣ и на водахъ имѣютъ здѣсь совершенно характеръ Библейскій, и вы найдете въ картинахъ Өивскихъ олицетворенныя коментаріи на битвы, описанныя въ Вѣтхомъ Завѣтѣ.

»Слышите-ль удары бичей и стукъ колесъ и коней ржаніе и колесницы скачутъ.»

»Идетъ всадникъ съ пламеннымъ мечемъ и съ мелькающимъ копьемъ. Убитыхъ множество! и груды труповъ! и нѣтъ конца тѣламъ! Спотыкаются о трупы ихъ!¹⁵«

Все это представлено на картинахъ съ поразительною точностію. Колесницы играли главную роль въ этихъ битвахъ. Пышность Египетскихъ колесницъ выражена Соломономъ въ книгѣ Пѣсни Пѣсней, гдѣ онъ, обращаясь къ дочери Фараоновой, говоритъ: «Конемъ моимъ въ колесницахъ Фараоновыхъ уподобихъ ты, «ближняя моя»¹⁶.« На воинскихъ колесницахъ вы увидите всегда два лица: одинъ управляетъ конями, а другой ратуетъ копьемъ или стрѣлою изъ лука; сами цари тутъ дѣйствовали, какъ мы видимъ изъ книги Царствъ¹⁷. Бичи, изображенные въ рукахъ Египтянъ, представлены обыкновенно съ тремя ремнями, вѣроятно, изъ кожи гиппопотама. Такъ въ Книгѣ Судей сказано: »и по немъ воста Самегаръ сынъ Апаѳовъ и избѣи инопленниковъ шесть сотъ мужей раломъ воловымъ и спасе сей Израиля.« Кавалерія Египтянъ состояла только изъ *наѣздниковъ*, потому что нигдѣ не видно правильныхъ построений кавалеріи, между тѣмъ какъ пѣхота, вооруженная щитами, копьями и топорами, при звукахъ трубъ, со знаменами и штандартами, изображена въ правильномъ построении, на подобіе нашихъ колоннъ. При осадѣ крѣпостей видно употребленіе такъ называемой *черепахи*. Варварскій обычай Восточныхъ народовъ отсѣкать члены побѣжденныхъ, показанъ и здѣсь. Въ числѣ побѣжденныхъ народовъ, Шамполіонъ узнаетъ Индѣйцевъ, и, между прочимъ составляетъ цѣлую роспись покоренныхъ народовъ, которые названы, *Куши, Терозисъ, Тороао, Робу, Феккаро*, и проч. Изъ всѣхъ именъ, названныхъ Шамполіономъ, можно только признать подъ первымъ Библейскимъ именемъ *Кушь*, — Эѳіоповъ.

Большая часть этихъ героическихъ картинъ росписаны, и свѣжесть красокъ на такихъ памятникахъ не понятна. Потолки покрыты самою яркою лазурью, усѣянною золотыми и серебрянными звѣздами.

Въ этомъ торжественномъ дедалѣ зданій, отличается одно построеніе отъ прочихъ. Оно походитъ на пилонъ, обращенный въ домъ о трехъ этажахъ. Нельзя не признать въ этомъ зданіи частнаго жилища или родъ *гарема* одного изъ Фараоновъ. Рѣзныя картины на стѣнахъ изображаютъ разныя семейныя занятія: бесѣдующее общество дамъ, сады, прогулки, игры на арфахъ и на флейтахъ. Между прочимъ тутъ открыли древность шахматной игры; она представлена какъ нельзя лучше: два партнера сидятъ другъ противъ друга передъ шахматною доскою, уставленною шашками, изъ которыхъ однѣ чернѣе, а другія бѣлѣе; одинъ изъ играющихъ беретъ за шашку, а другой ее ставитъ. Видъ изъ этого уединенія господствуетъ надъ всею долиною Өивъ и представляетъ одну изъ живописнѣйшихъ панорамъ.

¹⁵ Наумъ III. 2. 3.

¹⁶ I. 8.

¹⁷ III Кн. Цар. 22. 34.

Зданія Мединетъ-Абу представляютъ обильнѣйшіе предметы для изыскателя; ихъ картины пролили уже большой свѣтъ на исторію жизни древнихъ Египтянъ и конечно породятъ еще цѣлые томы. Тутъ есть о чемъ задуматься.

По близости отъ Мединетъ-Абу, на юго-западѣ, видны значительные остатки стѣнъ, изъ необожженного кирпича, большею частію засыпанные землею; они нѣкогда образовали чрезвычайно обширный паралелограммъ съ многочисленными выходами. Я болѣе согласенъ съ тѣми, которые полагаютъ, что это было ристалище или сборное мѣсто для войскъ. Пространство этой площади составляетъ, по сдѣланному исчисленію, 624.380 квадратныхъ туазовъ. Пройдя эту площадь, нѣсколько далѣе, по тому же направленію, вы найдете разрушенный храмъ, въ которомъ сохранились четыре комнаты; изъ нихъ только въ первой и во второй, стѣны украшены іероглифами и изображеніями. Тутъ не видно ни колоннъ, ни другихъ архитектурныхъ украшеній, но, весьма замѣчательно, что этотъ храмъ посвященъ покровителю наукъ и изобрѣтателю письменъ, *Гермесу* или *Ооту*. Замѣтимъ при этомъ случаѣ, относительно сказаннаго нами о древности просвѣщенія у Евреевъ¹⁸, что во время Иисуса Навина, въ Палестинѣ былъ городъ *Давиръ*, который, вѣроятно, гораздо прежде Моисея, былъ уже названъ: *градъ письменъ* (*Кириатъ Сеферъ*¹⁹). Всѣ изысканія приводятъ къ положительнымъ доказательствамъ, что весь свѣтъ пролился на міръ чрезъ посредство народа, избраннаго Богомъ.

ГЛАВА VIII.

БИБАНЪ-МОЛУКЪ.

Обозрѣвъ въ этой части Оивъ чертоги Фараоновъ, мнѣ предстоялъ еще путь трудный черезъ огромную преграду Ливійскихъ горъ, въ *послѣднее жилище* владыкъ Оивскихъ, въ ущелье, называемое Арабами *Бибанъ-ель-Мулукъ*, — *врата царей*. Это имя основано на древнемъ Египетскомъ имени: *Бибанъ-Уроу*²⁰, т. е. *гиппогеи* или *гробницы царей*.

Эти гиппогеи указаны очень вѣрно Страбономъ: »Надъ *Мемноніумомъ*, находятся около сорока царскихъ погребальныхъ пещеръ, изсѣченныхъ въ скалахъ и чудесно образованныхъ. Въ сихъ гробницахъ, на нѣкоторыхъ колоннахъ, видны надписи, которыя свидѣтельствуютъ о богатствѣ тогдашнихъ царей и »объ ихъ владычествѣ, распространенномъ до Скиѳіи, Бактріаны, Индіи и до нынѣшней Іоніи; тутъ такъ-же означены ихъ доходы и число войска, простиравшееся до ста миріадъ²¹.«

Вѣковья преданія о сихъ святилищахъ смерти наложили на нихъ покровъ глубокой таинственности. Мы приближались къ подошвѣ горъ по праху и грудамъ Мемноніума, по отзывавшимся подъ, нами сводамъ бывшихъ зданій, и наконецъ, по гробамъ, изъ которыхъ, при шумѣ нашего приближенія, вдругъ поднимались нагіе Арабы съ своими дѣтьми и женами, въ мрачныхъ покрывалахъ, — какъ эпизода суднаго дня! Послѣ столькихъ вѣковъ самой роскошной, самой дѣятельной жизни, Оивы возвращаются въ прежнее ничтожество, а глубокомысленный, воинственный и торговый народъ обратился въ Троглодитовъ. Слабые и безпечные, и не въ силахъ будучи создать себѣ жилищъ, они, вмѣстѣ съ своими тощими стадами, нашли пристанище въ гробахъ своихъ великихъ предковъ, и, въ возмездіе за гостепрїимство, промышляютъ продажею ихъ труповъ; мало того, они рубятъ ихъ на куски, какъ дрова, и, можетъ быть, тщательно бальзамированные члены какого нибудь Тутмосиса, не разъ служили на очагѣ одного изъ этихъ варваровъ для сваренія нѣсколькихъ горстей *маиса*.

Солнце начинало палить зноемъ, когда мы взобрались по крутымъ стезямъ, мимо пропастей, на самую вершину скаль, откуда открывается вся горестная панорама Оивъ!

¹⁸ Ч. I. стр. 252–255.

¹⁹ Ис. Нав. XV. 15.

²⁰ Silvestre de Sasy.

²¹ XVII. I. § 48.

Бедуины привели насъ въ одно ущеліе, къ ужасному отвѣсному спуску, спрашивая, не предпочту ли я путь кратчайшій большому обходу? Опытность моего главнаго путеводаителя Али-Абу-Гарба, а еще болѣе несносный жаръ, заставили меня немедленно согласиться на это предложеніе. Съ помощію другихъ бедуиновъ, которые, какъ кошки, спускались впереди меня въ эту пропасть, цѣпляясь за камни, вскорѣ я очутился въ глубинѣ самыхъ дикихъ ущелій, гдѣ не только не видно было ни одного живаго существа, но даже и слѣдовъ жизни, — и «здѣсь», какъ говоритъ Діодоръ, «находились дивныя погребальныя пещеры древнѣйшихъ царей Эивскихъ, «которые не оставили уже своимъ потомкамъ средствъ къ достиженію подобнаго великолѣпія. По книгамъ жрецовъ, такихъ гробницъ было сорокъ семь²²; но, при Птоломеѣ, внукѣ Лаговомъ, ихъ находилось «только семнадцать, и большая часть изъ нихъ, въ то время какъ мы посѣщали Египтянъ, т. е. въ сто восьмидесятую Олимпиаду, были искажены.» Изъ-за грудъ камней, нѣсколько отверзтій, чернѣе ночи, показывали намъ входъ въ гиппогеи. Засвѣтивъ факелы, мы направились къ ближайшей.

При самомъ вступленіи въ галлерею, ведущую покато въ дальній мракъ, я уже пораженъ былъ удивленіемъ, которое, возрастая на каждомъ шагу, превратилось въ восторгъ. Когда такое великолѣпіе было обречено на вѣчный мракъ, какой же народъ былъ эти Египтяне? . . . Первая гиппогея, въ которую я проникъ, есть одна изъ великолѣпнѣйшихъ или лучше сказать наиболѣе сохранившаяся изъ всѣхъ видимыхъ; нѣтъ сомнѣнія, что нѣдра этихъ скалъ заключаютъ все поколѣніе царей Эивскихъ; каждая гиппогея, тотчасъ по принятіи подъ своды свои великолѣпнаго мертвеца, закладывалась на глухо и заравнивалась въ ребрахъ скалъ. Присоединивъ сонмъ военачальниковъ или жрецовъ, погребенныхъ не много съ меньшимъ великолѣпіемъ, какую обширную столицу смерти показали-бъ намъ эти горы? Сколько миеовъ и историческихъ загадокъ могли быть разрѣшены здѣсь нашими Юнгами, Шамполіонами и Росселини?

Вообразите себѣ галлерею, столь же роскошно росписанную, какъ Ватиканская или наша Эрмитажная, но менѣе высокую, — потомъ, цѣлый рядъ чертоговъ, украшенныхъ пиластрами: все это облечено живописью, столь свѣжею, что она какъ-бы недавно вышла изъ подъ кисти Рафаелей Фараоновыхъ; конечно, эта живопись не такая искусная какъ теперь, но она исполнена глубокомыслія и поразительно дѣйствуетъ на воображеніе. Въ концѣ этихъ палатъ, представьте себѣ высокую поперечную залу, созданную какъ-бы для пиршества, съ округленнымъ сводомъ, гдѣ по лазоревому полю, какъ по небу, разсыяны звѣзды, которыя, при появленіи факеловъ, блестятъ яркимъ золотомъ; залу, покрытую іероглифами и мистическими изображеніями, и наконецъ, сходящій какъ бы въ преисподнюю, путь мрачный и, по словамъ Арабовъ, неисходимый. Посреди этого торжественнаго чертога стоитъ страшная своею огромностію гробница; — а гдѣ мертвецъ ея? . . .

Онъ выброшенъ Персами Камбиза, и прахъ его смѣшался съ прахомъ державныхъ Эивъ. Гиппогея, о которой я говорю, принадлежала Рамзесу V, наслѣднику Рамзеса Міамуна. Здѣсь и гробница не существуетъ уже болѣе, но многія другія гробницы цѣлы въ трехъ подобныхъ гиппогеяхъ. Я понимаю тотъ восторгъ, который оживлялъ Шамполіона, когда онъ бродилъ по этимъ лабиринтамъ, гдѣ всѣ эти символы, всѣ эти ряды миеическихъ лицъ, говорили ему на своемъ языкѣ, раскрывая болѣе или менѣе тайны своей исторіи или своей психологіи. Чтобы описывать эти галлереи мистическихъ картинъ надобно умѣть ихъ разгадывать, а какъ этотъ подвигъ доселѣ выполненъ, сколько было можно, однимъ Шамполіономъ, то я предпочитаю представить моимъ читателямъ сущность его описанія этой самой гиппогеи Рамзеса V-го; Шамполіонъ выбралъ ее изъ всѣхъ другихъ образцовъ, для того, чтобы дать общее понятіе объ этомъ чудесномъ кладбищѣ царей Эивскихъ:

При входѣ, на дверномъ архитравѣ, обыкновенно изображенъ желтый кругъ или *дискъ*; въ немъ представлена голова овна, выражающая заходящее солнце, вступающее въ низшее полушаріе и принимающее поклоненіе колѣнопреклоненнаго царя. На правой сторонѣ отъ диска, т. е. на востокъ, изображена богиня Неѳтисъ, а на лѣвой (на западѣ), богиня Изида,

²² Страбонъ говоритъ: *сорокъ*.

занимающая обѣ оконечности пути солнца въ верхнемъ полушаріи. Возлѣ солнца, и въ самомъ дискѣ, начертана большая *скарабея*, символъ возрожденія. Царь стоитъ колѣнопреклоненный на небесной горѣ.

Общій смыслъ этой аллегоріи относится къ покойному Фараону: во время жизни, подобно солнцу, текущему отъ востока къ западу, царь долженъ оживлять и освѣщать Египетъ; по смерти, онъ сравненъ также съ солнцемъ, склоняющимся къ мрачной, нижней гемисферѣ, которую оно должно протечь, дабы вновь возродиться на востокѣ; подобно покойному царю, которому опредѣлено возродиться для разныхъ перерожденій или быть поглощеннымъ въ нѣдрахъ Аммона, отца вселенной. При этой картинѣ всегда находится іероглифическая надпись слѣдующаго содержания: »Вотъ что говоритъ Озирисъ, владыко *Аменти* (западная страна, обитаемая мертвыми): я даровалъ тебѣ жилище на священной горѣ запада, тебѣ Озиріянину, владыкѣ міра Рамзесу. . . теперь живущему.«

Это послѣднее выраженіе доказываетъ, что обширныя могилы Фараоновъ, требовавшія продолжительныхъ работъ, всегда начинались при ихъ жизни, что совершенно согласно съ характеромъ этой глубокомысленной націи. Нѣкоторыя изъ этихъ гиппогей гораздо менѣе обширны и тотчасъ кончаются погребальною залою; что доказываетъ кратковременное царствованіе Фараона; такимъ образомъ, долговѣчные имѣли обширнѣйшія жилища по смерти.

Чтобъ отклонить отъ царя то мрачное предзнаменованіе, которое могъ бы онъ видѣть въ приготовленной для него заживо могилѣ,— при началѣ галлерей, на лѣвой сторонѣ, всегда изображали его самага передъ богомъ *Фре* съ ястребиною головою, означающею солнце, — говорящимъ ему:

«Вотъ что вѣщаетъ Фре, великій богъ, владыко неба: мы опредѣляемъ тебѣ долгую жизнь для царствованія надъ міромъ и для проявленія царственныхъ доблестей Горуса на землѣ.» Почти тоже читается и на потолкѣ этаго перваго корридора.

Послѣ такихъ утѣшительныхъ словъ, *слѣдуетъ* уже изображеніе солнечнаго диска, текущаго отъ востока къ западу, который представленъ въ видѣ крокодила, — эмблема мрака, куда готовы погрузиться и богъ свѣта и царь, каждый своимъ образомъ. Потомъ, — длинный рядъ названій семидесяти пяти стѣпеней, чрезъ которыя проходитъ солнце въ нижней гемисферѣ. Слѣдующая за симъ небольшая комната представляетъ, въ лицахъ, всѣ эти семьдесятъ пять степеней. Далѣе, по одной сторонѣ залъ и корридоровъ, видѣнъ длинный рядъ картинъ, изображающихъ ходъ солнца въ верхнемъ полушаріи (образъ царя при его жизни), а на другой, ходъ солнца въ нижнемъ полушаріи (образъ царя по смерти).

Погружаясь въ эти галлерей и слѣдуя путемъ аллегорическаго солнца, вы видите съ одной стороны двѣнадцать подраздѣленій, означающихъ двѣнадцать часовъ дня; каждое изъ сихъ подраздѣленій пересѣчено вырѣзанною въ стѣнѣ дверью, оберегаемою огромнымъ зміемъ; возлѣ, надпись: *онъ живетъ надъ этою дверью и открываетъ ее солнцу.*

Близъ первой двери, означающей часъ восхода солнечнаго, представлены двадцать четыре часа астрономическаго дня, въ видѣ людей съ звѣздою на головѣ, идущихъ въ глубину пещеры, какъ бы для того, чтобъ показать направленіе, при изученіи этихъ аллегорическихъ картинъ. Въ каждой изъ двѣнадцати картинъ изображающихъ дневные часы, представлена со всѣми подробностями ладья бога свѣта, плывущая по небесной рѣкѣ, по *первобытной жидкости* или *эвиру*, — началу физическаго естества, слѣдуя древней философіи Египтянъ. Тутъ представлены разныя божества, сопровождающія ладью, и сверхъ того *небесныя жилища*, мимо которыхъ она плыветъ, также и миѳическія сцены, соотнесенныя каждому часу дня. Всѣ эти сцены изображаютъ награды или наказанія душъ. Образецъ такихъ картинъ былъ уже описанъ нами²³. Система превращеній душъ, заимствованная отъ Египтянъ Пифагоромъ, представлена здѣсь очень ясно. Тутъ видѣнъ, напримѣръ, взвѣшиватель душъ, грозный судія Атму; послѣ не лицепріятнаго суда, онъ превращаетъ души въ тѣхъ животныхъ, которымъ онѣ подобились своими пороками при жизни.

²³ См. Ч. I. стр. 237.

Предстаючіе на судъ изображены сначала въ челоуѣческомъ образѣ, а потомъ они же, превращенные въ животныхъ, изгоняются бичами опять на землю. Блаженныя души представлены съ страусовымъ перомъ на головѣ, приносящими жертвы богамъ или срывающими плоды съ небесныхъ деревъ. Замѣтимъ въ этихъ мѣахъ постоянную борьбу челоуѣка въ продолженіи жизни съ духомъ зла, который изображенъ въ видѣ уродливаго змія. Это чудовище наконецъ побѣждается, но токмо съ пособіемъ исполинской руки верховнаго бога Аммона, который его удавляеть.

На картинѣ послѣдняго часа дня, богъ-Солнце погружается за горизонтъ въ объятія Нетфы, Египетской Ѳетиды, которая выходитъ изъ водъ небснаго Нила.

Путь солнца въ нижнемъ полушаріи, въ продолженіе двѣнадцати часовъ ночи, изображенъ иа противоположныхъ стѣнахъ. Тамъ уже солнце почти всегда представлено въ видѣ Эѳіопа. Въ подраздѣленіяхъ, изображающихъ часы ночи, представлены различныя божества, вооруженныя мечами и наказующія тѣ души, которыя остались упорными въ преступленіяхъ. Тутъ видны разные роды казней; это подало поводъ къ ложнымъ заключеніямъ, будто бы Египтяне приносили челоуѣческія жертвы; но іероглифическія надписи вполнѣ удостовѣряють, какъ говоритъ Шамполіонъ, что эти трагическія сцены относятся къ другому міру, но отнюдь не къ земному. Мы съ нимъ совершенно согласны, потому что самый ходъ этихъ мѣическихъ изображеній ясно доказываетъ такое объясненіе. Тотъ же ученый археологъ замѣчаетъ высокую мысль Египтянъ, показать двойное предопредѣленіе душъ къ наградамъ или къ наказаніямъ чрезъ самый вслнчественный феноменъ природы: теченіе солнца вокругъ обоихъ полушарій.

Нѣтъ нужды говорить, что такія картины вполнѣ доказываютъ, сколь глубоко догматъ безсмертія былъ вкорененъ въ Египтянахъ. Эта психологическая галлерей занимаетъ всѣ стѣны двухъ большихъ корридоровъ и двухъ первыхъ залъ. Тотъ же предметъ, но разсматриваемый съ точки астрономической и астрологической, повторенъ на потолкахъ и стыкахъ слѣдующаго за нимъ корридора и двухъ первыхъ залъ. Небо, въ видѣ женщины, которой тѣло усыяно звѣздами, обнимаетъ съ трехъ сторонъ эту огромную композицію: торсъ фигуры составляетъ верхнюю раму картины во всю длину; а спущенныя руки и ноги — боковыя рамы, въ ширину. Это богиня Нейтъ или Природа. Середина картины наполнена 24 ладьями, которыя изображаютъ часы дня и ночи; солнце, въ видѣ дитяти, выходитъ изъ чрева своей матери и принимается на первую ладью богомъ *Меуи*, Геркулесомъ Египетскимъ. На этихъ ладьяхъ появляется Фараонъ, сопровождаемый разными божествами и также сражающийся часто съ зміемъ Апоѳисомъ. На послѣдней ладѣ послѣдняго часа ночи, торжественная свита бога солнца и Фараона уже исчезла, остается только одинъ Фараонъ съ богиней *Тмеи* или *Истиною!* . . .

На этихъ самыхъ потолкахъ, внѣ рамы, изображены, въ іероглифическихъ текстахъ, таблицы созвѣздій и ихъ вліяніе на всѣ часы дня; такъ, на примѣръ, въ 1-мъ часу мѣсяца *Тоби*, Оріонъ имѣеть вліяніе на *лѣвую руку*, во второмъ часу, *Сиріусъ* дѣйствуетъ на *сердце* и такъ далѣе. Эта картина имѣеть соотношеніе съ астрономическимъ кругомъ Памятника Озимандія.

Зала, которая предшествуетъ той, гдѣ находится гробница, посвящена четыремъ божествамъ *Аменти* или преисподней. Тамъ Фараонъ предстаетъ на судилище передъ сорока двумя божественными судіями. Мы видѣли, что судъ того міра былъ прообразованъ у Египтянъ при похоронахъ каждаго челоуѣка на землѣ. Въ іероглифическихъ текстахъ представлены даже приговоры, какъ на примѣръ: *Сынъ солнца Рамзесъ не богохульствовалъ . . . Сынъ солнца не уклонялся отъ истинны. . . не предавался лѣни* и проч.

Наконецъ, въ большой залѣ Рамзеса V-го, гдѣ уже стоялъ саркоагъ, и гдѣ потолокъ образованъ сводомъ въ длину, повторены, съ большимъ великолѣпіемъ и съ бѣльшею подробностію, подобныя картины. Шамполіонъ говоритъ, что въ нихъ заключается самый утонченный *мистицизмъ*, и что подъ этими эмблемами скрываются древнѣйшіе истины, которыя мы считаемъ теперь самыми новыми.

Доселѣ, въ описаніи живописи этихъ чудѣсныхъ гробовыхъ галлерей, я представляль,

при малыхъ отклоненіяхъ, сужденія Шамполіона²⁴, и конечно читатель не обвинить меня, въ этомъ исключительномъ случаѣ, за чужое добро.

Не только исторія вѣтхаго Египта, но и исторія первобытныхъ народовъ, часто съ ихъ настоящею фізіогноміею, съ ихъ одеждами, развертывается во мракѣ этихъ гиппогей, и, можетъ быть, многія важныя открытія погребены здѣсь съ царями Өивскими. Конечно, многочисленныя остатки чертоговъ и храмовъ Египтянъ озарили уже, чрезъ свои гранитныя картины, неожиданнымъ свѣтомъ исторію этого дивнаго народа; но ихъ разрушеніе ужасно! они предстаютъ намъ подобно обезображеннымъ обломкамъ памятника или какъ нѣсколько листовъ, вырванныхъ случайно изъ разныхъ книгъ; но въ *гиппогеяхъ* ходъ *цѣлой идеи* развивается со всѣми подробностями и всѣ этн миѡы давно ожидаютъ *іероѡанта*, чтобъ рассказать намъ свои тайны.

Нашли-ли наконецъ *іероѡанта* въ Шамполіонѣ, такъ рано похищенномъ смертію? Мы не можемъ дать положительнаго отвѣта. По крайней мѣрѣ никто не подвинулъ болѣе его, изъясненіе іероглифовъ; а чтеніе именъ собственныхъ по его методѣ, оправдалось совершенно. Мы будемъ имѣть случай коснуться этого предмета.

Съ прискорбіемъ долженъ я сказать, что этотъ самый Шамполіонъ, принесшій важныя услуги ученому свѣту, наложилъ святотатственную руку на многіе изящныя *альфрески* Өивскихъ гиппогей: онъ выламывалъ цѣлыя картины и понесъ за то наказаніе не малое: въ этихъ самыхъ мѣстахъ я читалъ начертанныя на разныхъ языкахъ проклятія его имени. . . Невольная грусть овладѣваетъ путешественникомъ, когда онъ вспомнить, какимъ рукамъ ввѣрены теперъ всѣ эти хранилища тайнъ древняго міра.

Переходя изъ одного подземелія въ другое,— отъ одного удивленія къ другому, мое воображеніе утомилось отъ столькихъ впечатлѣній; все, что я видѣлъ, превзошло мои ожиданія! Я чувствовалъ необходимость отдохнуть мыслями и отложилъ до возвратнаго пути, разсмотрѣніе подробностей прочихъ гиппогей. Въ 3 часа по полудни я предпринялъ обратный путь изъ этихъ гробовыхъ ущелій. Стѣны скаль были раскалены какъ печи, и духота едва выносима; — были примѣры, что нѣкоторые путешественники тутъ задохлись отъ зноя. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ одинъ изъ бедуиновъ предложилъ мнѣ выстрѣлить изъ пистолета, чтобъ показать силу отзыва; выстрѣлъ былъ сначала подобенъ громовому удару, а послѣдовавшій гулъ былъ похожъ на покотившуюся съ высоты горъ лавину. При выходѣ изъ дефиля, мы едва могли пробраться сквозь обрушенныя груды скаль. Можно видѣть, что прежде не было совсѣмъ выхода изъ этого таинственнаго ущелія, доступнаго только для однихъ жрецовъ; это совершенно согласно съ мистическимъ характеромъ Египтянъ, которые облекали въ таинственность будущую жизнь; она была цѣлію, къ которой они постоянно стремились, и это постоянное стремленіе къ вѣчности породило борющіеся съ временемъ памятники — предметъ удивленія отдаленнѣйшихъ потомковъ.

Черезъ часъ ѣзды отъ гиппогей до выхода изъ дефиля, открылись прибрежныя пальмы, Ниль и за нимъ исполинскія громады Карнака, которыя я хотѣлъ уже видѣть на возвратномъ пути, утомленный удивленіемъ.

ГЛАВА ІХ.

ӨИВЫ: ЛУКСОРЪ И КАРНАКЪ

Возвратясь въ свою *дагабію*, которая была моею *главною квартирою*, я хотѣлъ отплыть на разсвѣтѣ. Съ сильнымъ попутнымъ вѣтромъ мы пустились на другой день въ путь. Надобно было проходить мимо *Луксора*, и едва мы поровнялись съ береговою колоннадою, какъ всѣ мои намѣренія перемѣнились, и чрезъ четверть часа по отплытіи, я былъ уже опять въ Өивахъ, — но только на противоположномъ берегу. Исполинскіе остовы этаго патріарха городовъ, не давали отдыха моему воображенію! И вотъ, я опять стою, сложа руки, въ нѣмомъ восхищеніи, измѣряя глазами эти ряды колоннъ, заклеянные именемъ

²⁴ Lettres sur l'Egypte, p. 225–245.

Аменофиса-Мемнона. Ихъ болѣе двухъ сотъ; изъ нихъ, 14 переднихъ, особенной величины, имѣють почти 1¹/₂ саж. въ діаметрѣ; меньшія принадлежатъ древнѣйшей эпохѣ. Этотъ великолѣпный перистиль прилегалъ къ зданіямъ, которыя уже не существуютъ болѣе: онъ направленъ отъ юга къ сѣверу къ главному зданію, увѣнчанному двумя огромными пилонами, которые привлекають къ себѣ вниманіе. Промежутокъ между этою длинною колоннадою и пилонами застроенъ теперь земляными хижинами и голубятнями, въ видѣ высокыхъ ананасовыхъ шишекъ. Подъ этими бранными и мрачными мазанками, таятся превосходные остатки древнихъ зданій, изъ которыхъ иные, съ своими художественными іероглифами, вошли въ составъ стѣны этихъ мазанокъ. Такимъ образомъ, во внутренность одного изъ грязныхъ домовъ, попала часть гранитной стѣны внутренняго чертога Фараона, называемаго *родильнею* (*tamisi*.) Тамъ богъ Оотъ возвѣщаетъ женѣ Фараоновой рожденіе сына, — На другой картинѣ, сама царица представлена, на родильномъ ложѣ, окруженною своею свитою, межъ тѣмъ какъ разныя божества принимаютъ новорожденнаго младенца. Другая часть стѣны чертоговъ, гдѣ изображены чествованія разныхъ божествъ Фараономъ Тутмосисомъ IV, попала въ составъ Еврейской синагоги! Эта встрѣча съ Евреями на развалинахъ могущественной столицы Фараоновъ сильно меня поразила! Тутъ же Шамполіонъ прочелъ рѣчь Аммона къ владыкѣ Оивъ: »Мы даруемъ, чтобы воздвигаемыя тобою зданія были долговѣчны, какъ твердь небесная!«

При выходѣ изъ подъ воротъ *циклопическихъ* пилоновъ, до половины вросшихъ въ землю, сквозь которые проходитъ главная улица мѣстечка *Луксора*, вдругъ открывается передъ вами гордый обелискъ, возносящій къ небу, по четыремъ блестящимъ гранямъ, пышныя воззванія о своихъ Фараонахъ, межъ тѣмъ какъ вотъ они сами, — эти четыре гиганта, прислоненные къ пилонамъ, обезображенные, поруганные, — занесены пескомъ по грудь, по чело, по темя — и совсѣмъ! . . . Другой глашатай славы, тысящелѣтній другъ стояшаго въ сиротствѣ обелиска, переплывъ пучину, находится еще въ большемъ запустѣніи: среди шумнаго народа, для него варварскаго, на землѣ чужой, для него холодной, подъ созвѣздіями ему совсѣмъ не знакомыми!²⁵

Чей-же обликъ представляютъ эти злополучные исполины? Это самъ Сезострисъ, Рамзесъ великій, — говорятъ намъ, — этотъ Геркулесъ забытаго міра. Взгляните на эти пирамидальныя твердыни: съ низу до верху видна борьба народовъ на сушъ и на водахъ, стукъ колесницъ и ржаніе коней, попирающихъ трупы. Здѣсь, — древнѣе Ахиллеса, — побѣдитель, влачитъ за колесницею обезображенный трупъ побѣжденнаго; — тамъ, съ связанными назадъ руками, съ преклоненными головами, толпы плѣнниковъ предстають предъ сидящаго на тронѣ побѣдителя. Чужеземцевъ можно узнать по различію одеждъ и оружія. Кто-жъ эти народы? Какіе-то *Робши*, *Шабатунъ*, *Мару*, увѣряетъ насъ Шамполіонъ; — сравнивайте ихъ, если хотите, съ *Бактріанами*, съ *Мидянами*, съ *Скивами*, съ кѣмъ вамъ разсудится, потому что уже никакая исторія и никакая географія не говоритъ о нихъ!

Осмотрѣвъ *Луксоръ*, я зналъ, что далѣе, меня ожидаютъ еще сильнѣйшія впечатлѣнія. Я уже думалъ, не возвратится-ль въ мою *дагабію*; не отложить ли до моего возврата остальное? Я какъ бы отклонялся отъ новыхъ ощущеній: до такой степени все видѣнное мною въ этомъ волшебномъ мѣстѣ потрясло мое воображеніе.

Такъ я думалъ, а между тѣмъ спускался съ холма *Луксора*, и мой скромный лошакъ шагаль уже по направленію къ дальнимъ пальмовымъ рощамъ, изъ-за которыхъ промелькивали какія-то зданія несообразныя и необычныя. Черезъ четверть часа пути, начинаютъ выходить передъ нами изъ-подъ земли, сперва по одиночкѣ, колоссальныя животныя; то появляется огромный хребетъ, то обезглавленная шея, и наконецъ цѣлое стадо гранитныхъ сѣинксовъ, подъ навѣсомъ пальмъ, строятся по дорогѣ вашей въ два ряда; почти всѣ обезглавленные, они показываютъ удивленному страннику, который кажется передъ ними пигмеемъ, — путь къ цѣли. И вотъ, передъ грудями разрушенія, высятся торжественныя ворота, столь же новыя, какъ бы лѣтъ десять тому назадъ воздвигнутыя;

²⁵ Этотъ обелискъ украшаетъ теперь одну изъ площадей Парижа.

столь необычайно огромныя, какъ бы для выѣзда вдругъ двухъ сотъ вооруженныхъ колесницъ, по выражеію Гомера²⁶; на архитравѣ видѣнъ окрыленный кругъ солнца, изображающій время. — Этотъ поразительный символъ, среди ужаснаго разрушенія, какъ бы говоритъ вамъ, что одинъ лишь Тотъ, Кто создалъ время, не подвигнется во вѣки *»Но Ты тотъ-же и лѣта Твои не истощатся.«* Передъ вами и на право, необычныя остатки живописнѣйшихъ храмовъ и пилоновъ; они непременно поглотили-бъ все ваше вниманіе на цѣлый день, если-бъ вы не видѣли далѣе, цѣлую гору столь необъятныхъ развалинъ, что онѣ терзаютъ ваше воображеніе, чтобы скорѣй разгадать это волшебство. Вы быстро обходите эти чудесныя развалины, бросая на нихъ удивленные взгляды, и приближаетесь къ подавляющимъ васъ своимъ величіемъ твердынямъ. Это хаотическое разрушеніе, которое я не могъ обнять глазомъ, такъ смутило меня, что я, обратясь къ своему вожатому, велѣлъ ему вести меня, какъ при посѣщеніи храмовъ Мединеть-Абу, къ главному входу, или къ такому мѣсту, откуда бы я могъ нѣсколько распознать этотъ лабиринтъ разрушенія. Мой бедуинъ Али-Абу-Гарбъ, живописно драпируясь своимъ бѣлымъ бурнусомъ и упираясь на копье, повелъ меня, какъ чародѣй, длиннымъ обходомъ; онъ вывелъ меня наконецъ къ двумъ огромнѣйшимъ пилонамъ, обращеннымъ къ Нилу, куда спускаются опять два ряда мистическихъ сфинксовъ. По грудамъ обвалившихся стѣнъ я медленно взбирался къ воротамъ. Прежде нежели я вступилъ въ нихъ, я оглянулся назадъ и увидѣлъ подъ собою Ниль и за нимъ строгія громады гробовыхъ горъ Бибанъ-Молукъ и всю опустошенную долину западныхъ Оивъ, съ господствующими надъ нею колоссами Мемнона. Къ югу, видны были недавно оставленныя мною дивныя зданія Луксора; къ сѣверу цѣлый лѣсъ пальмъ яркой зелени.

Вступимъ теперь между этими двумя пирамидами въ гигантскія ворота. Съ первымъ взглядомъ во внутренность, воображеніе самое холодное приводится въ смущеніе невиданными дотолѣ массами колоннъ и пиластровъ, то цѣльныхъ, то разрушенныхъ; но оно уже испугано, завидя прилежащую къ этому огромному перистиллю, храмину съ необъятнымъ множествомъ столповъ, которыхъ созданіе превышаетъ силы народа самаго могущественнаго: *Hanc, posuisse deos!* должно воскликнуть съ Саназаромъ.

Сойдите теперь въ этотъ перистиль. Изъ грудъ самыхъ драгоценнѣйшихъ матеріаловъ, разбитыхъ въ дребезги обрушенными на нихъ рядами колоннъ, которыя загроздили всю площадь, высится одна необычная колонна въ гигантской прелести съ своею лотосовою капителью. Но, завидѣнная вами храмина, всё влечетъ васъ къ себѣ; вотъ ея колоссальныя привратники, — ужасно обезображенные вѣнценосцы; — вы едва обращаете на нихъ вниманіе, и, вступивъ въ преддверіе, узнаете, что всѣ видѣнныя вами доселѣ зданія, хотябъ вы обтекли весь земной шаръ — игрушки передъ этимъ *столпотвореніемъ!* Этотъ лѣсъ колоннъ, величины невообразимой, и гдѣ же? *внутри* зданія, повергаетъ васъ съ перваго раза въ глубокую задумчивость о *зодчихъ*? Вы невольно спрашиваете, не исполины-ль Библии, эти *человѣцы именитіи*²⁷, жившіе нѣсколько столѣтій, оставили здѣсь слѣды своего существованія? Этихъ столповъ, или лучше сказать скалъ, 136-ть. Тѣ 12-ть колоннъ, которыя поддерживаютъ среднюю часть храма, разрѣзывая его на два этажа, выше прочихъ. По сдѣланному расчисленію, сто человѣкъ могутъ свободно помѣститься на каждой капители этихъ колоннъ. По измѣренію Англичанъ, церковь Св. Мартина, одна изъ величайшихъ въ Лондонѣ, уставится болѣе четырехъ разъ въ одной этой залѣ, имѣющей 318 футовъ въ длину и 159 ф. въ шириину. Большая часть колоннъ въ совершенной цѣлости, другія же страшно наклонены вмѣстѣ съ нависшими надъ ними громадами. — Потолокъ состоитъ изъ цѣльныхъ каменныхъ плитъ невообразимой величины. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ нигдѣ не упорѣблена извѣсть и все держится однимъ напоромъ тяжестей. Въ перспективѣ, за упавшею стѣною, высятся, изъ страшныхъ грудъ другихъ развалинъ, два огромные обелиска.

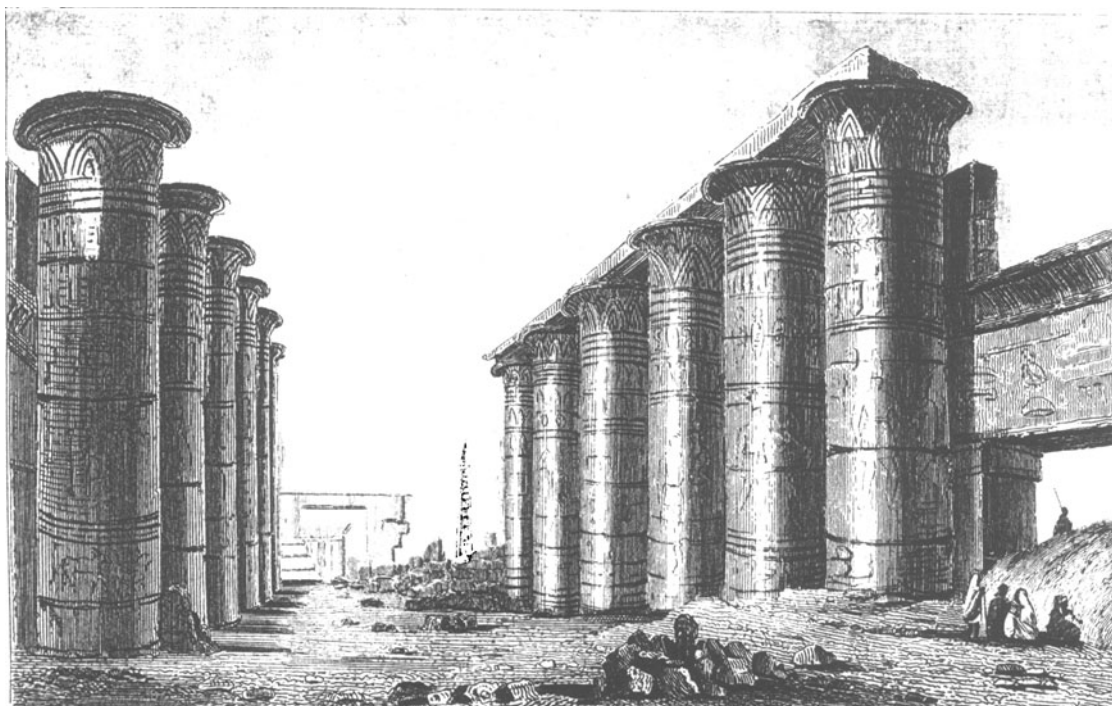
Теперь, представьте себѣ всѣ эти громады стѣнъ и колоннъ, одѣтыми сверху до низу рѣзными картинами, какъ бы *ваятельною живописью*, съ фигурами столь же гигантскими

²⁶ Илиада IX. 383.

²⁷ Быт. IV. 4.

какъ и это зодчество. Внутри зданія изображены предметы религіозные, а снаружи битвы и торжества, давно забытыхъ побѣдителей надъ давно-забытыми народами. Все, что вы ни видите въ этихъ картинахъ, кипитъ жизнью самую роскошною и самую бурною, и показываетъ что здѣсь было нѣкогда средоточіе политики древняго міра, а теперь? какой хаосъ! какое запустѣніе!

Изъ картинъ, не описанныхъ Шамполіономъ, мнѣ показались отличнѣе передъ прочими картина на сѣверной стѣнѣ, изображающая бога Оота (Гермеса), начертывающаго на деревѣ жизни въ третій разъ имя Рамзеса II-го, ибо уже два кольца съ этимъ именемъ привѣшаны на вѣтвяхъ. Самъ Рамзесъ стоитъ коленопреклоненный у подошвы дерева, держа въ одной рукѣ врученный ему символъ владычества; другою рукою онъ касается одного кольца своего имени; — и еще другая картина на западной стѣнѣ: тамъ представленъ, въ колоссальномъ видѣ, *Аммонъ-Ра*, (божество, которому былъ посвященъ этотъ храмъ, называвшійся: *»великою обителію Аммона«*): онъ сидитъ на престолѣ; Фараонъ подводитъ къ нему, держа за руку, прекрасную женскую фигуру, которая изображаетъ, какъ мы думаемъ, одну изъ *Паллакидъ* т. е. дѣвъ *высокаго* или царскаго рода, посвященныхъ Аммону;²⁸ небольшой рогъ на челѣ дѣвы, выражаетъ вѣроятно это званіе. За Аммономъ стоитъ богиня Гаторъ (Венера). Это брачное торжество Фараона.

КАРНАКЪ

Когда вы слѣдуете главнымъ путемъ между среднихъ колоннъ и потомъ выходите изъ гигантской залы на востокъ, вамъ преграждаютъ путь ужасныя груды гранитныхъ камней; — это почти вся восточная стѣна *великой обители Аммона*, обрушенная землетрясеніемъ. Изъ этой груды, гордо возносится обелискъ самый огромнѣйшій и изящнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ обелисковъ.

Другой, ему равный, грянулся поверхъ всего этого разрушенія и великолѣпно разметанъ на части. Бросающіяся на глаза колоссальныя начертанія его побѣдныхъ возгласовъ, прерванныхъ силою крѣпчайшею чѣмъ его гранитъ, лежатъ въ ужаснѣйшемъ смѣшеніи вмѣстѣ съ разбитыми изображеніями торжествъ. На каждомъ камнѣ этихъ грудъ видны либо іероглифъ, либо символъ, либо голова или члены какого нибудь Фараона, военачальника или жреца; — вся эта разорванная цѣпь событій, аллегорій или мистическихъ

²⁸ Dioid. Sic.

рѣчей — разбросана какъ типографическія буквы или клоки листовъ геніальнаго творенія. Кто собереть эти буквы или листы?

Никогда не изгладится во мнѣ впечатлѣніе этаго необъятнаго разрушенія; — я долго не шель далѣе; и усѣвшись на огромной перекладинѣ обелиска, глядѣль поверхъ обрушенныхъ стѣнъ Аммонова храма на необъятную перспективу его ста тридцати шести стоящихъ колоннъ. Какой карандашъ, какое перо изобразятъ это невообразимое зрѣлище²⁹? Сколько поколѣній воздвигало эти массы! Сколько вѣковъ протекло мимо этихъ стѣнъ, прежде чѣмъ онѣ отразили на себѣ однѣ только важнѣйшія событія, и потомъ когда они перестали ихъ записывать?

Бродя долго по этому розрушенію, я подошелъ нечаянно къ остатку нижней стѣны исполинскаго Аммонова храма; — и какъ велико было мое удивленіе, когда я открылъ на разбитой гранитной картинѣ, очень малаго размѣра, и отъ которой осталась только нижняя половина,— изображение побѣдителя, наступившаго пятою на главу, простертаго подъ нимъ, Еврея. Народныя черты лица Израильянина поразительно сходны и тѣмъ болѣе бросились мнѣ въ глаза, что я только нѣсколько часовъ тому назадъ какъ видѣль въ синагогѣ *Луксора* Евреевъ, которые произвели на меня такое впечатлѣніе. При томъ, подобное открытіе Шамполіона, котораго книга была со мною, тотчасъ заставило меня узнать въ этомъ изображеніи Библейское событіе о нашествіи Фараона Сесака на Іерусалимъ.³⁰ Важность этаго дополненія къ открытію Шамполіона, который прочелъ на щитахъ плѣнниковъ въ этомъ же храмѣ на нижней стѣнѣ, іероглифическое начертаніе: *»Иудага-Малекъ«*. т. е. *царь Іудейскій*, заставила меня немедля взяться за карандашъ. Я со всевозможною вѣрностію срисовалъ этотъ достопримѣчательный барельефъ, съ небольшимъ отрывкомъ іероглифической надписи, чрезвычайно искаженной, въ которой, между прочимъ, видно крестообразное іероглифическое начертаніе, надъ знакомъ, выражающимъ, по толкованію Шамполіона, иноземную страну. Предоставляю объ этомъ судить ученымъ. Передъ Фараономъ; едва видны, двѣ фигуры: одна, стоящая на колѣнахъ, а другая, какъ-бы просящая пощады. Произходящая сцена изображена на *бари* или священной баркѣ.³¹ Кончивъ свой рисунокъ, я поспѣшилъ къ указанному Шамполіономъ мѣсту. Тутъ было три двери; вся стѣна возлѣ первой двери занята колоссальною героическою картиною, представляющею побѣдное торжество Фараона. Онъ изображенъ держащимъ одною рукою за волоса соединенную группу побѣжденныхъ; другая рука, вооруженная сѣкирою, готовится нанести имъ смерть. Тутъ же онъ влечетъ къ подножію *Өивской триады*: (Аммонъ, Моутъ и Хонсъ), толпы плѣнниковъ, изъ которыхъ, только одни Евреи, видны съ завязанными назадъ руками; въ числѣ ихъ, тридцать, имѣютъ на щитахъ іероглифическую надпись *Иудага-Малекъ*. Жаль, что нижняя часть этого барельефа засыпана землею. Щиты, изображенные на плѣнникахъ Іудейскихъ, напоминаютъ похищенные Фараономъ Сесакомъ золотые щиты Соломоновы. Только одна Библия и отрывки Манеѳона называютъ намъ этаго Фараона, котораго имя возникло теперь изъ развалинъ *Өивъ*, тогда какъ наши историки, не находя его ни у Геродота, ни у Діодора, исключали его изъ списковъ Фараоновъ. Библия сообщаетъ намъ даже подробности о числѣ войскъ Сесака: *»И бысть въ лѣто пятое царства Ровоамля взыде Сусакимъ царь Египетскій на Іерусалимъ, зане согрѣшиша предъ Господомъ, съ тысящю и двумя сты колесницъ и шестьдесятъ тысящъ конникъ, и не бѣ числа народу пришедшему съ нимъ отъ Египта, Ливіане, Троглодитяпе и Еөіопляне«*³².» На другихъ барельефахъ

²⁹ *»Je me garderai bien de vouloir rien décrire,»* говоритъ Шамполіонъ *»car, ou mes expressions ne vaudraient que la milliéme partie de ce qu'on doit dire en parlant de tels objets, ou bien, si j'en traçais une foible esquisse, même fort décolorée, on me prendrait pour un enthousiaste, peut-etre même pour un fou. Il suffira d'ajouter qu'aucun peuple ancien ni moderne n'a conçu l'art de l'architecture sur une échelle aussi sublime, aussi large, aussi grandiose, que le firent les vieux Egyptiens; ils concevaient en hommes de 100 pieds de haut, et l'imagination qui, en Europe, s'élance bien au dessus de nos portiques, s'arrête et tombe impuissante au pied des 140 colonnes de la salle hypostyle de Karnak«*. (Lettres sur l'Egypte et la Nubie, p. 98.)

³⁰ III. Кн. Цар. XIV. 25. 26 в II. кн. Паралип. XII. 2.

³¹ См. этотъ рисунокъ въ Путешествіи по Св. Землѣ. I. 195.

³² Паралип. Кн. II. Гл. XII. с. 2.

представлены побѣдныя торжества, гдѣ видны длинныя процессіи съ драгоценными вазами и блюдами, можетъ быть также похищенными изъ Іерусалима³³. Разнообразіе костюмовъ покоренныхъ народовъ, чрезвычайно любопытно. Эти изображенія населенія тогдашняго міра обратили уже вниманіе ученыхъ археологовъ и конечно доведеть до многихъ открытій. Въ картинахъ вы увидите образцы укрѣпленій и оружія того времени. Въ одной битвѣ на рѣкѣ, изображень мостъ; — по этому, строеніе мостовъ было извѣстно отъ глубокой древности, и должно предполагать, что оба берега Оивъ были соединены мостами. На одной изъ этихъ картинъ представлено пораженіе пастырскихъ народовъ или *Гискосовъ*; ихъ царь, преслѣдуемый Фараономъ, бѣжитъ съ своими стадами въ болотистое мѣсто, обозначенное растущими тростниками. Это выражаетъ окрестности Пелузы, гдѣ происходило дѣйствіе. Извѣстно, что весь древній міръ, болѣе или менѣе, былъ покорень оружіемъ Египтянъ. Моисей воспользовался, при Сезострисѣ, отсутствіемъ Египетской арміи въ дальнихъ предѣлахъ Скиѳіи, для покоренія народовъ Филистимскихъ. Всѣ источники исторіи первобытныхъ народовъ погребены въ развалинахъ Оивъ!

Для окончанія нашего обзора зданій Карнака, возвратимся къ восточной части великаго храма Аммона.

Мы остановились у обелисковъ; въ этомъ мѣстѣ ихъ было четыре, два самые большіе, и два нѣсколько меньшіе; изъ нихъ уцѣлѣло по одному. За ними слѣдуетъ небольшой храмъ рѣдкой красоты; онъ весь построенъ изъ *розоваго* гранита и напоминаетъ монолитный храмъ Саиса³⁴. Здѣсь было домашнее святилище Фараоновъ; оно отдѣлано съ необыкновеннымъ тщаніемъ. Барельефы, украшающіе стѣны, превосходнѣе, какъ мнѣ кажется, всѣхъ которыя тутъ существуютъ. На наружной стѣнѣ, съ юга, изображено царское посвященіе; оно сходно съ Библейскимъ; жрецы возливаютъ елей на главу Фараона, межъ тѣмъ какъ боги Фотъ и Фта возлагаюгъ руки на рамена его; далѣе, великій жрецъ представляетъ царя симъ двумъ богамъ и напоследокъ, Аммонъ-Ра облакаетъ его шлемомъ. Въ нижнемъ ряду, — священная процессія жрецовъ, несущихъ *бары* или барки съ символическими изображеніями. Это напоминаетъ сказаніе Діодора о ежегодныхъ процессіяхъ съ кивотомъ Аммона, перевозимымъ на ту сторону Нила!³⁵ Тѣло жрецовъ покрыто красною краскою; этотъ цвѣтъ присвоенъ на всѣхъ Египетскихъ картинахъ собственно Египтянамъ. По сему, и большой сфинксъ, у подошвы пирамидъ, изображавшій портретъ Фараона, былъ покрытъ этою краскою.³⁶ Одежда жрецовъ была вызолочена, теперь-же осталась только желтая грунтовая краска. Во внутренности храма, всѣ изображенія голубыя, и прекрасно рисуются по розовому граниту. Потолокъ покрытъ яркою лазурью и усѣянъ золотыми звѣздами. Нельзя не удивляться такому сбереженію красокъ, и конечно химія Египтянъ не уступала нынѣшней? — На сѣверной наружной стѣнѣ нѣтъ изображеній, потому что она примыкала къ другой стѣнѣ. Протпву храма стоятъ два маленькіе обелиска, на которыхъ видны двѣ обнявшіяся фигуры Изиды и Озириса, изящной работы.

Отъ этаго святилища идетъ цѣлый рядъ чертоговъ и храмовъ, изъ которыхъ одинъ посвященъ Изидѣ, и все это кончается великолѣпнымъ портикомъ, поддерживаемымъ, вмѣсто колоннъ, колоссальными каріатидами, изображающими жрецовъ съ сложенными на крестъ руками, подобно какъ въ храмѣ Озимандіаса. Огромный пилонъ, украшенный символомъ окрыленнаго времени, образуетъ восточный выходъ изъ этаго волшебнаго замка.

На сѣверѣ, видна меланхолическая картина, отдѣльно стоящихъ въ заустѣнни, великолѣпныхъ воротъ, — а за ними два ряда сфинсковъ; пески Аравійской пустыни засыпали торжественные пути къ стовратымъ Оивамъ!

Съ юга, къ большому храму Карнака примыкаль одинъ особенный храмъ, куда былъ входъ черезъ два пилона; къ нему вела аллея сфинсковъ отъ тѣхъ огромныхъ воротъ,

³³ Замѣчательно, въ числѣ побѣдныхъ трофеевъ, несомое на шестахъ, въ оплетенной корзинѣ, дерево, вѣроятно иноземное, для распложенія его въ Египтѣ.

³⁴ См. ч. I. стр. 79.

³⁵ Diod. Sic. L. I. p. 2. § 97.

³⁶ См. ч. I. стр. 189.

о которыхъ мы упомянули при нашемъ вступленіи въ Карнакъ. Этотъ храмъ былъ бы весьма замѣчательнъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, но не близъ такихъ громадъ. Онъ былъ посвященъ богинѣ *Офъ* (*Ретъ*); отъ него сохранился пронаосъ о 28 колоннахъ и наосъ о 8-ми; два боковые чертога, разрушены. Иероглифы и рѣзныя изображенія едва уже можно разсмотрѣть, такъ они закопчены дымомъ; въ этомъ частномъ святилищѣ одного изъ Фараоновъ, помѣщалось нѣкогда цѣлое народонаселеніе нынѣшнихъ жителей Карнака, вмѣстѣ съ ихъ стадами. Къ этому же храму пристроено небольшое зданіе, заключающее, между прочимъ, залу, въ которой видны двѣ колонны съ головами Изиды, и темную комнату съ изображеніями Тифона или бога зла; почти во всѣхъ Египетскихъ храмахъ были отдѣленія, посвященные этому божеству и назывались: *Тифоніумъ*. Близость Тифоніума отъ Изидической залы напоминаетъ одинъ Египетскій обрядъ: когда священный волъ Анисъ водворялся во храмъ, его пускали на произволь бродить между жилищемъ Изиды и Тифона, и когда онъ поселялся въ одномъ изъ этихъ двухъ жилищъ, то изъ этого выводили жрецы благоприятное или худое предзнаменованіе.

Восточнѣе, и въ параллель храму богини *Офъ*, существовала другая линія храмовъ, которая направлялась отъ противоположной оконечности великаго храма Амлона, отдѣленнаго бассейномъ. Нѣсколько огромныхъ пилоновъ и воротъ, съ остатками отъ портиковъ, показываютъ путь къ здаию совершенно оригинальному, расположенному на четверостороннемъ полуостровѣ. Это былъ древній *Тифоніумъ*, существовавшій прежде большаго храма. Даже малые остатки этихъ зданій поражаютъ своимъ величіемъ. Нѣсколько обезображенныхъ колоссальныхъ статуй прислонены къ пилонамъ. У послѣднихъ пилоновъ, обращенныхъ къ Луксору, сидятъ четыре колоссальные истукана изъ разныхъ камней, одинъ изъ бѣловатаго, другой изъ краснаго гранита, третій изъ сѣраго, а четвертый изъ чернаго базальта, — какъ бы представители частей свѣта; два первые довольно хорошо сохранились, а остальные совсѣмъ разбиты.

Древній Тифоніумъ Карнака имѣетъ особый отпечатокъ таинственности. Полуостровъ, бывшій нѣкогда островомъ, и, вѣроятно, образованный въ подражаніе острову Филе, гдѣ совершалось, древнѣйшее поклоненіе Изидѣ и Озирису, покрытъ обломками нѣсколькихъ малыхъ храмовъ. Обводный каналъ, шириною сажени въ три, доселѣ наполненъ водою; во многихъ мѣстахъ сбереглись каменные крыльца, сходящія въ каналъ. Всѣ четыре рамы полуострова были уставлены статуями изъ чернаго порфира, изображавшими въ настоящій ростъ сидящую богиню Нейтъ съ львиною головою. Въ иероглифическихъ начертаніяхъ видно царское кольцо великаго Сезостриса. Изъ всѣхъ этихъ статуй, поверженныхъ и разбитыхъ, я нашелъ только одну уцѣлѣвшую, и рѣшился пріобрѣсти ее и перевезти на родной Сѣверъ, не во гнѣвъ Изидѣ и Озирису, но изъ сожалѣнія къ драгоценнымъ остаткамъ великихъ *Эивъ*, поруганныхъ варварами. Также и сюда вела отъ большаго храма аллея сфинксовъ и продолжалась до Луксора. Между сфинксами съ человѣческой головою видны также сфинксы съ головою овна, изображавшіе бога Аммона. Только два изъ нихъ хорошо сбереглись. Тутъ я видѣлъ двѣ разбитыя колоссальныя статуи Фараоновъ; одна изъ нихъ, съ царскими кольцами на раменахъ, обезглавлена, и развѣнчанная голова далеко откатилась. . . Судьбы Египта совершились!

Я посѣщалъ Карнакъ также и при лунномъ свѣтѣ. Онъ тогда еще очаровательнѣе! Днемъ, при яркомъ Африканскомъ солнцѣ, очерки колоннъ большаго храма какъ бы теряются; но при лунномъ свѣтѣ колонны обрисованы рѣзкими, линіями и выказываютъ всю исполинскую свою громаду!

Всякій, кто видѣлъ *Эивы* и принимался ихъ описывать, уставалъ отъ удивленія и отъ невозможности ихъ изобразить;— эта усталость можетъ перейти и на читателя, и потому, я откладываю остальное описаніе до возврата. Я въ полномъ смыслѣ имѣлъ нужду успокоить свое разгоряченное воображеніе и поспѣшить отплытіемъ.